

Дария Мрускиновская

ЧУМНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

а.с.ф.ра

РОМАН ИЗ ЦИКЛА «АРХАРОВЫ»

Даля Трускиновская
Сыск во время чумы
Серия «Архаровцы», книга 1

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164234
Чумная экспедиция: Амфора; Санкт-Петербург; 2006
ISBN 5-367-00140-8

Аннотация

1771 год. Первое десятилетие правления блистательной Екатерины Второй завершилось московскими бунтами. Дворцовая роскошь и расцвет наук ничуть не смягчили буйный нрав простого люда. Не только бунтари, но и воровские шайки чувствовали себя в старой столице вольготно – до тех пор, пока императрица не поручила наведение порядка молодому офицеру Николаю Архарову...

Книга издавалась также под названием «Чумная экспедиция».

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	4
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Далия Трускиновская

Сыск во время чумы

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Уродится же дитятко... В колыбельке – ангелочек, а как вылезло – ну, хоть плачь...

У всех – до отрочества ангелочки розовощекие, голосистые, улыбчивые, доверчивые, ласковые, к гостям вывести приятно. Этот – вечно чем-то недоволен, глядит исподлобья, то хмурится, то кривится. И выкормлен порядочно, вон ножки какие толстенькие, брюшко кругленькое, и светло-русые волосы чуть вьются, и принаряжен, а глядеть на него неприятно, а пуще того – неприятно, когда оно само, это дитятко, старшенький, Николашенька, на тебя глядит.

Потом уже догадались – виной был необъяснимый каприз Натуры, посадившей ему левую бровь чуть ниже, левый глаз – чуть глубже положенного, и веко, несколько толще правого, на него нависало так, что у малого дитяти образовался этакий подозрительный прищур, словно бы говорящий: а я про тебя знаю, дядя, что ты вор и мошенник...

Неудачная внешность стала причиной многих драк во дворе усадьбы, где за кустами смородины, крапивой и лопухами было самое ребячье царство. И вроде повода не было, а вся ребятня сразу кидалась на одного Николашку. Невзлюбили – и хоть ты их увещевай, хоть секи, толку мало. Разбираться с этой бедой пришлось деду, у которого внучек повадился отсиживаться. Дед сперва был тронут душевно, потом додумался до причины таковой внучковой любви.

В то время еще достаточно жило дедов, начинавших службу при государе Петре Алексеевиче и возмужавших без всяких нежностей, а этот еще и под Полтавой побывал, и в неудачном Прутском походе, так что был испытан и блистательной победой, и бесславным поражением.

После очередного сражения за лопухами, поставив расхристанного внучка промеж колен и утерев ему тряпицей кровавые сопли, дед сказал так:

– Николашка, дураков завсегда бьют. А ты будь умен да поглядывай – всякое намерение прежде всего на роже отражается. Всякое! Вон у меня сука Хватайка ухо чуть подымет, а я уже знаю, что у нее на уме (дед был страстным охотником). У людей точно так же. Ты присматривайся! По взгляду понять можно, по косоротине, поприщуре, по тому, как не сразу говорить начинает, по всему! Врут тебе или не врут, открыто говорят или заманивают! Дурака валяют или точно бить собрались. Не считай ворон, понял, дурень? Гляди в оба!

И тот же дед однажды выразился этак:

– Ох, ну не всем же красавчиками-то быть!

Внук науку принял и прибавил к ней свою – тоже, видать, не без дедовой подначки, но тут уж точно никогда не дознались. Заметив обмен взглядами, сулящий ему дразнилки и первоначальные для драки тычки, Николенька тут же сжимал кулаки и кидался в атаку. Обычно это бывало за кустами смородины и в лопухах, за сараями и амбарами, на задворках раскидистой и безалаберной, но весьма скромной деревянной московской дворянской усадьбы, строенной в одно жилье. И с чего бы той усадьбе быть иной, коли хозяин, Петр Архаров, всю жизни был в чинах невеликих, а бригадирский получил лишь при выходе в отставку?

Конечно, Николеньке доставалось, но очень скоро он уразумел одну простую истину: боль – это всего лишь боль, и кровавые сопли – всего лишь сопли, и синяк – не навеки, и царапина так заживет – через месяц и следа не останется. А вот битый им противник, причем

битый щедро, от души, впредь крепко задумается, прежде чем приступать к этим самым заводящим раздор дразнилкам. Не раз и не два опробовал он сию теорию на деле, кончилось же тем, что его, шестилетнего, заметили старшие парнишки.

Это было, когда он, напоровшись на двух недоброжелателей не в усадебном дворе, а вылезши через дырку в заборе в переулочек, впал в бешенство – и случилось с ним озарение, он вдруг понял, что голова – тоже оружие. Мальчишка постарше и повыше ростом обхватил его сзади – и получил такой удар в лицо, что кровь из носа хлынула и всех перемазала.

– Стой, стой! Сдурел?! – раздался голос.

Николенька даже не сразу осознал, что от лютой и для увеличения силы удара зажмурился. Он открыл глаза, когда парнишка постарше, схватив его за руку, выдернул из драки.

Оба противника ревели в три ручья. Так, рыдая, и побежали прочь.

– Ну их, – сказал парнишка. – Крепко ты его лизнул. Кто тебя выучил?

– Не знаю...

Он исподлобья посмотрел на вопрошавшего. Тот был старше, намного старше, и в плечах уже по-юношески широк. Скуластое лицо, русые волосы, большие темные глаза – все было не таково, как в архаровском семействе. В стороне стояли еще двое парнишек, один был несколько на него похож – видимо, брат.

Николенька не стал выяснять, чего эта троица забыла в переулочке.

– Тебя что, не учили – лизать не по правилам?

Он не понимал, чего от него хотят старшие. Потому молчал.

– Лизнуть можно, когда стенка на стенку, – объяснил брат красивого парнишки. – Тогда и в жабру можно, и в зоб. Понял? А когда до мазки – нельзя.

Они говорили на непонятном, но восхитительном языке взрослых бойцов.

– Да ну его, – не дождавшись от Николеньки ответа, высокомерно сказал красавчик. – Пошли, господа.

Это были дворянские дети, о том можно было знать и по одежде – все трое в опрятных кафтанчиках, хотя белые чулки – с дырками и спущенными петлями, башмаки – грязные, где-то парнишки, видать, лазили без спросу.

Николенька вздохнул – он страшно хотел пойти с ними, что бы ни сказали об этом домашние.

И он направился следом в какой-то смутной надежде, что обернутся, скажут еще что-то восхитительно взрослое, мужское, боевое.

Самое занятное – что надежда эта сбылась. Красавчик обернулся.

– Пошли с нами, научим, – позвал он. – Так будешь биться – надежей-бойцом сделаешься! Я вот, жаль, не успею.

– Чего не успеешь? – стараясь вести беседу на равных, спросил Николенька.

– А мне скоро в службу. Я в Семеновской гвардейский полк служить поеду, – похвастался собеседник. – Вот двенадцать лет исполнится – и поеду в Санкт-Петербург!

На вид он был старше – такой рослый, как будто ему уже стукнуло все четырнадцать, плотного сложения, весьма подходящего для кулачного бойца, и толстоватый для своих лет Николенька вдруг понял, что его полнота, предмет детских дразнилок, в новой жизни будет даже преимуществом.

Новая жизнь эта началась на низком берегу Яузы, куда привели его новые знакомцы. Там сходились парнишки, любопытные до боевых ухваток, и, как взрослые бойцы делились на «камзолы» и «бороды» – то бишь, на дворянство и простонародье. Кулачный бой на Москве уважали. Не только простой люд – иной купец не гнушался встать в стенку, иной офицер предпочитал кулак своей дворянской шпаге. Шпагой-то насмерть проткнуть можно, а кулаками помахать – любезное дело, и ежели кто зубов недосчитается – впредь ловчее будет. Опять же, кулак всегда при себе.

Парнишки имели кому подражать – каждую зиму к Масленице составлялись стенки, лучшие бойцы переманивались, а самые опытные и ловкие схватывались на льду Москвы-реки, там, где запруда на Неглинке позволила образовать довольно широкий и хорошо замерзающий пруд, один на один в охотничьем бою. Их знали, за ними наблюдали, знакомством с ними похвалялись.

Явились там, на берегу, и тринадцатилетний знаток некоего славного удара вполруки, да впоперек груди, и ровесник ему, мастер, перенявший у взрослого соседа приемы ломания – подступа к противнику на полусогнутых, с кривляньем и на первый взгляд лишними движениями.

Володька Орлов, годом старше Николеньки, и Феденька Орлов, годом его младше, уже вовсю употребляли бойцовское наречие. Считалось особым щегольством говорить «нюни», а не «губы», «хребет», а не «спина», «руда», а не «кровь». Удар, наносимый вполсилы, для проверки ловкости противника, звался «пытливым».

– Запомни наперед, – сказали они Николеньке Архарову. – Лежачего не бьют, мазку не бьют, лежачий в драку не ходит.

И так гордо при этом глядели, как будто не первую зиму на лед в стенке выходили.

– Кулак – не сласть, а без него – ни шасть, – такой поговоркой поделился с ним их старший, Алешка, выйдя из очередной схватки с подбитым глазом, однако его противник остался лежать на прибрежной траве. – Вишь, он меня размахой достал да тут же туза и проворонил. Учись, чадушко!

Николенька легко осваивал все эти тычки, тузы, щелки и размашки. Тело неожиданно оказалось послушным – и, хотя сам он так и не понял тогда смысла слова «свиль», употребленного старшими, однако то движение, коим стан, повернувшись, пускает мощный тычок или туз вскользь, усвоилось почти сразу. Малолетние знатоки и мастера, нахватавшиеся у старших парней всевозможных ухваток, стали для него почтеннее учителей, нанимаемых родителями для обучения письму, чтению и арифметике. Тем более, что учителя все попадались какие-то незначительные, из тех, о коих позднее воспитанники говорили: меня учили на медные деньги. Вскоре старшего, Алешку, действительно увезли в Санкт-Петербург, и Николенька тоже принялся мечтать о военной службе.

Николенька оказал мало склонности к наукам и к искусствам, а более всего хотел служить в гвардии. Иного пути ему, впрочем, и не пророчили, так что в тысяча семьсот пятьдесят четвертом был он, как водится, в возрасте двенадцати лет зачислен в Преображенский полк и тут же отпущен для постижения арифметических наук. Три года спустя сочли, что дальше учить недоросля не имеет смысла, для честной службы и того довольно, и он был принят в полк нижним чином, и это тоже было в порядке вещей – вся дворянская служивая молодежь, попав в гвардию, начинала с солдатского звания.

Бывши неудачным младенцем, в отрочестве он тоже не слишком похорошел – вытянулся, несколько постройнел, однако нос тоже принялся расти и оказался малость крупнее, чем требуется для гармонии. Общее впечатление несколько скрашивалось тем, что волосы, как у многих в детстве, все еще вились, но это преимущество исчезало, когда их убирали в общепринятую прическу – гладкую, с косицей сзади и с буклями по бокам.

Николаша прибыл в Санкт-Петербург с сундуком имущества и старым дядькой, представленным к нему для услуг. Тут вся началось сначала – длинноносый, коротконогий, полноватый юноша с подозрительным взглядом не сразу поладил с шустрými и более грамотными ровесниками. Способ завоевать их уважение был ему с детства известен – и не зря же кулаки отращивал.

Всех удивила внезапная стремительность этого драчуна, совсем не соответствующая облику, удивила скорость и меткость ударов вкупе с умением уйти от вражеских, удивила и расчетливая поворотливость, при которой ни один замах не был сотрясением воздуха.

В шестьдесят первом году Архаров получил свой первый офицерский чин, тут случилась революция, на престол взошла общая любимица великая княгиня Екатерина, сделалась государыней и внесла сумятицу в гвардейские ряды. Когда совершалась революция – вся гвардия была заодно, а потом встал вопрос – выходить ли ей замуж за избранника души и тела Григория Орлова. Братья Орловы столько для нее сделали, – как полагали в гвардии, на трон возвели и корону ей на голову надели, – что сие выглядело достойной и заслуженной наградой – с одной стороны. А с другой – кому охота иметь над собой Гришку Орлова, пусть и ставшего вмиг графом? Начались комплоты, угрозы, и немало горячих голов ввязалось в нелепые заговоры по устранению фаворита. Но фаворит-то остался, а заговорщики получили хотя умеренное, однако наказание. Тут еще и граф Панин припечатал словцом: императрица-де вольна выходить за кого угодно, а вот только госпоже Орловой императрицей не быть... А она, умница, сделала единственно возможный выбор.

Николаша Архаров был слишком молод, чтобы путаться во все те затеи, да и других забот хватало – красавицы все больше на иных кавалеров поглядывали, было обидно. Попытки заявить о себя в свете кончились провалом – всякий раз, пускаясь в галантности, сей кавалер наиболее всего боялся стать для прелестниц смешным, и великая подозрительность вредила ему более, чем повредили бы лихие загулы и даже дурная хворь, не к ночи будь помянута. Наконец старший сослуживец, Иван Бредихин-второй, научил его ходить к сводням – тем все возвышенные чувства, взятые напрокат из стихотворства господина Сумарокова, и кончились.

Он служил не лучше и не хуже других, был довольно замкнут, порой вовсе угрюм, и казалось, что, не имея знатных покровителей, век он проведет в малых чинах, уйдет в отставку поручиком и будет доживать на покое в Москве или в подмосковной, наподобие отца и деда.

Но, видать, где-то на небесах Фортуна, расшалившись, глянула на него благосклонно. Хватит ему ходить в поручиках, решила Фортуна, он мне на что иное превосходно сгодится. И кинула ему с небес то, что именуется случаем. Хошь – лови, хошь – упускай, твоя забота. Случай, правда, был не совсем обычный, однако именно тот, что мог бы быть пойман как раз этим офицером, с его норовом и повадками.

Немало удивились сослуживцы, когда в одно прекрасное солнечное утро плац Преображенского полка осчастливил визитацией верзила, умница, меченый красавец Алексей Орлов, третий по старшинству из братьев Орловых, по-своейски – Алехан. Был он на ту пору Преображенского полка генерал-майором, но на плацу, где учили молодых солдат, являлся нечасто.

С ним прибыл брат Федор, четвертый по старшинству, – не более не менее как обер-прокурор Сената.

Оба братца, имевшие несколько похмельный вид, вышли из кареты, велели сбежавшимся офицерам быть без чинов, и стали оглядывать все собрание.

– А ну-ка, выйди вперед, – вдруг обратился Алехан к офицеру ростом малость выше среднего, плотно сбитому, причесанному без затей и имеющему на щеке свежую ссадину. – Ты, что ли, у меня Архаров?

– Я, коли угодно, – не слишком любезно отвечал офицер, уставясь на округлые носы своих башмаков и пряча в обшлаги кулаки со сбитыми и чуть-чуть поджившими костяшками.

– Врешь, – недоверчиво сказал обер-прокурор.

– Федя, это точно он, – подтвердил Алехан.

– Ну, надо же, – отвечал Федор Орлов, глядя на офицера с немалым удивлением. – Ишь ты, каков...

– Да уж таков уродился, – добавил Алехан, покачал головой и хмыкнул.

– Да, я таков, – совсем тихо, однако весьма упрямо произнес офицер.

Алехан смотрел на него, смотрел – да и треснул широченной ладонью по плечу.

После чего братья, словно бы сделав то, за чем явились, сели в карету и укатили.

Архаров наконец оторвал взгляд от башмаков и исподлобья посмотрел вслед начальству. Не признают – и ладно... было бы о чем вспоминать...

Сослуживцы кинулись с расспросами, Архаров отмалчивался. Только и дознались, что вечером ходил куда-то играть в бильярд, и там за полночь приключилась драка. Сообщил об этом Архаров-второй, Ванюша, младшенький, который уж несколько лет служил в том же Преображенском полку. Но подробностей и он не знал. Судя по тому, что старшенький братец отделался лишь ссадинами, пострадал, и немало пострадал его противник, или же противники (от Ванюши уж знали, что Архаров с сопливых лет не боялся выходить один против двоих и даже троих).

Фортуна у себя на небесах точно рассчитала, какого поединщика подставить Архарову. Поединщик, сам – отчаянный боец, смог оценить его боевые качества не по словам, а по следам на собственном теле, однако широта его безалаберной души не допускала мелких расчетов. Малопрятный в обычной жизни и яростный в драке преображенец, который крепко припечатал его сперва к стенке, потом к полу, ему запомнился и даже понравился. С того дня карьера Архарова несколько оживилась, и вскоре стало известно, что его неожиданный покровитель – Гришка Орлов. Сам! Собственной персоной!

А еще немного времени спустя появился Левушка.

Надо сказать, что друзей в полку Архаров не нажил. Крепнущая с годами подозрительность к людям выстраивала между ним и сослуживцами каменные ограды и бревенчатые частоколы. Сперва среди полковой молодежи, потом среди равных по чину он был – сам по себе, хотя понемногу наладилось что-то вроде весьма сдержанного приятельства. Ближе прочих оказался ему спокойный, уравновешенный и исполненный какой-то ровной веселости поручик Иван Бредихин-второй – возможно, еще и по той причине, что Бредихин в детстве жестоко пострадал от оспы и лицо имел весьма изрытое. Был он на полтора десятка лет старше Архарова и умел обходиться с подозрительным сослуживцем мирно и деловито – как, впрочем, и со всеми. По этой причине Бредихин сделался конфиденнтом еще одного преображенца, Артамона Медведева, повесы редкостного, и выслушивал все его излияния, особенно же в тех случаях, когда Медведев, запутавшись в юбках трех, не то четырех прелестниц, искал достойного способа совершить правильное отступление. Архаров и Медведева кое-как признал за товарища, до таковой даже степени, что порой выслушивал его амурные откровения и ссужал деньгами – в разумных, впрочем, пределах.

Некоторую роль в этом играло имя Медведева – Артамон.

Архаров, воспитав в себе странную способность определять по лицу намерение собеседника, особенно же – намерение соврать, решил расширить поле деятельности и развить в себе мастерство угадывания характера. Кто-то рассказал ему, что не напрасно человеку дается крестильное имя – каким-то манером оно обязано влиять на нрав. В Архарове (о чем сослуживцы не подозревали) порой просыпалось совершенно детское любопытство. Он разжился святцами и стал задавать вопросы молодому полковому батюшке, который еще не до конца позабыл преподававшийся ему в семинарии греческий язык, снабдивший Россию именами на много столетий вперед, затем сверял ответы со своими наблюдениями.

Всякий раз при новом знакомстве он первым делом проверял свою теорию.

Бредихин-второй был Иван – сиречь, «Благодать Божья», и это вполне увязывалось с его миролюбием. А вот имя «Артамон» означало – «парус», легкомыслием от него так и веяло, куда ветер подует – туда и Артамон, особенно же ветерок от Купидоновых крылышек. Так что с ветреным гвардейцем Архаров держался почти дружелюбно, однако расстояние

соблюдал отчетливо и был убежден, что на Медведева не слишком-то можно полагаться. Вот был бы он хотя бы Артемий, что означает «здоровый» – иное дело...

И тут вдруг прибывает в полк недоросль Тучков, по имени Лев (означающем всего лишь здоровенного рыжего гривастого зверя, которого Архаров видал в зверинцах и в каменном исполнении – украшающим дома и ворота богатых особняков) семнадцати лет от роду, – того возраста, в коем следует уже иметь первые чины. Недоросль долгоязыкий, ростом – никак не менее Алехана, однако вдвое тоньше, восторженный и неуклюжий, как щенок, у которого первым делом вырастают длинные и толстые лапы. Вскоре выяснилось, что новое приобретение Преображенского полка не обучено наукам и при слове «фортификация» заметно теряется. Далее сослуживцы обнаружили в Тучкове неистребимую страсть к музыке. Тут кое-что стало ясно – дитяtko росло без отцовского строгого присмотра, а при матушкиных юбках, среди сестриц, почему и засиделось дома, как девка-перестарок. Разумеется, было оно принято в полку соответственно...

Обнаружив таковое к себе отношение, Левушка удивился, но не растерялся. Очевидно, был он достаточно умен, поскольку довольно скоро высмотрел среди преображенцев такую же белую ворону, Архарова, каков сам, и к ней прилепился. Или же имел удивительное для своих лет чутье – и это вернее...

Архаров сперва не больно-то шел на сближение с семнадцатилетним оболтусом, но Левушка словно бы не обращал внимания и вел себя со старшим по чину офицером примерно так же, как щенок с крупным старым псом, то наскакивая на него и от баловства хватая за лапы, то вдруг устраиваясь спать под прикрытием его теплого бока.

Сколько ни вглядывался Архаров в круглую мальчишескую рожицу, неизменно полную доверия и азарта, обмана в ней не углядел. И очень осторожно, понемногу, по вершку в год, двинулся навстречу, стал позволять втягивать себя в длительные разговоры. И некоторое время спустя для преображенцев стало обычным такое зрелище: идут по плацу Архаров и Тучков, и Тучков чуть ли не скачет, размахивая длинными руками, буйно что-то объясняя старшему товарищу, иное даже не произнося, а выкрикивая, Архаров же топает рядом с ним чинно, степенно, и так же степенно поддерживает странную эту беседу.

Кое-кто подсмеивался – мол, спрятался недоросль под защиту крутых архаровских кулаков. Но Левушка, помимо страсти к музыке, обнаружил вдруг еще одну – к шпажному бою, благо развитая музыкой кисть руки имела довольно силы и подвижности для всевозможных приемов. Он не давал покоя полковым фехтмейстерам, и коли приходилось его вдруг искать, то искатель имел три возможности: либо Тучков при Архарове, либо сбежал в город, где прячется у какой-то тетки, седьмая вода на киселе, и самозабвенно лупит по клавикордам, подпевая впридачу, либо же захвачен учебным поединком. Года полтора спустя он стал одним из лучших фехтовальщиков в Преображенском полку и вполне мог за себя постоять сам, без помощи Архарова.

Фортуна, поглядев сверху, что Левушка не на шутку прилепился к приятелю, решила и о нем малость позаботиться. Кинула ему незначительный чин подпоручика и сочла свой долг исполненным.

Архарову же припасла нечто такое, чего и в страшном сне не увидишь, хотя припасла с наилучшими намерениями и вывела его, неожиданно для всех, к славе, почету и даже немалым деньгам. Звался сей подарок Фортуны – московская чума.

О подробностях заразного поветрия в Санкт-Петербурге знали мало – они выяснились уже потом. Скорее всего, болезнь занесли из Валахии. Почему-то все были уверены, что зараза, дойдя до Брянска, вдруг остановится и повернет обратно. Не было кому напомнить, как более сотни лет назад чума крепко похозяйничала в столице – старики, которые хоть что-то могли с чужих слов рассказать, – и те померли.

Чума, она же – моровая язва, все не поворачивала и первым делом добралась до московского военного госпиталя – двадцать семь человек внезапно свалились в злой лихорадке, в живых осталось пять. Госпиталь возглавлял опытный врач Афанасий Шафонский, он и распознал чуму. Тут же принял меры – соорудили карантинные бараки, выставили охрану, разожгли большие дымные костры – дыма чума почему-то боялась. Шафонский, как положено, доложил о заразе выше по начальству, но был обозван паникером и иным французским словом – фантазером.

Далее произошла вещь обычная – когда чума в январе семьдесят первого объявилась на Большом суконном дворе, что у Каменного моста на Софийской набережной, начальство, не желавшее упреков в фантазерстве, понадеялось на русское «авось» – никому не рапортовали, умерших хоронили тайно, по ночам, не ввели карантина и полагали, что обойдется. Но мастеровые с суконного двора стали с перепугу разбегаться по домам и разнесли чуму по всей Москве.

К сентябрю 1771 года насчитывалось более ста тысяч покойников.

* * *

Девятнадцатого сентября 1771 года Николай Петрович Архаров собрался наконец к портному – забирать новый мундир. Был он на сей раз достаточно привередлив, но не потому, что знал толк в хорошей одежде, а просто видел: ему хотят всучить, кроме всего прочего, черные полотняные штиблеты, боковые пуговицы на которых приделаны криво, и потому штиблеты морщат, должны же сидеть внатяжку, облекая икры, как собственная кожа. Да и рукава были вшиты как-то неловко. Он задержался у портного довольно долго – пока тот наконец не сказал честно, что все возможное совершил и лучшим этот мундир сделать не может.

Того же числа юный Левушка Тучков с утра принарядился, заставил себя причесать в три букли, извел коробку пудры, велел денщику пристегнуть новые модные пряжки к башмакам и исчез. Кому-то обмолвился, что прибыла-де в Петербург матушка с сестрицами, надобно делать визиты.

Того же числа немолодой преображенец Иван Бредихин-второй поехал совещаться со свахой. Он крепко задумывался об отставке и женитьбе, но жениться хотел с умом, взять хорошее приданое, и рассудил, что нужна ему вдова, можно купеческого рода, с хорошим приданым и одним младенцем. Бредихину не хотелось на старости лет связываться с бесплодной дурой – когда еще обнаружится то бесплодие и сколько будет хлопот, чтобы развесть! Он же собирался заводить детей.

Того же числа тридцатилетний красавец Артамон Медведев с утра даже не показался на плацу – спал блаженным сном. Накануне уехал в Ревель муж проказницы Лизаньки Шептуновой, и Лизанька в собрании дала долгожданный знак – держала сложенный веер стрелкой, нацеленной в избранника, что означало: можете быть смелы и решительны. А дабы Медведев окончательно уверовал в удачу, быстро указала веером на сердце и тут же его раскрыла. Сие вкупе с улыбкой было целой фразой: люблю тебя, ты мой кумир! Опять же, и мушка возле глаза, другая – на подбородке: «влюбленная» вкупе с «шалуньей». В итоге кумир караулил под окном до полуночи, был впущен и неохотно выпущен уже на рассвете.

Того же числа немолодой одинокий доктор Матвей Ильич Воробьев спозаранку принялся помирать. Он выходил потихоньку из многодневного запоя, страдал, пытался понять, которое ныне время года, и стучал в стену к соседу, мебельщику Дрягину, чтобы Дрягин прислал мальчишку с ковшом огуречного рассола – не в первый раз, знает уже, что означает подобный стук! Потом Матвей затеял добратся до преображенцев, коих общим приятелем

он был, и перехватить несколько в долг – когда он не пил, то был толковым доктором и имел денежных пациентов.

Такой вот спервоначалу выдался денек не лучше и не хуже иных. Он и завершиться был бы должен примерно так же – Архаров, привезя мундир, пообедал бы щами и кашей, занялся бы служебными делами, и Бредихин-второй, вернувшись от свахи, пошел бы советоваться о женитьбе с сослуживцами, и красавец Артамон Медведев, спросонья все еще счастливый, присоединился бы к беседе, и притащившийся на извозчике Матвей остался бы в полку до вечера, и Левушка рано или поздно примчался бы взбудораженный, докладывая всем и всякому, каких прелестниц повстречал в высшем свете...

Как бы не так!

Приехал Алехан и сообщил офицерам новость. В чумной Москве бунт, чернь штурмовала Кремль и добуянилась до того, что в Донском монастыре вытащила из церкви и растерзала митрополита Амвросия. Государыня, получив депешу, не в себе – особенно ее изумило, что в такие дни московский генерал-губернатор Салтыков просто-напросто бежал из города. Алехан был в сквернейшем состоянии духа, изматерил все окрестности, каждую тварь особо, а потом сообщил подчиненным новость, которую сперва даже толком не поняли:

– Наш молодец сам вызвался Москву усмирять, так и растак его всей ярмаркой под гудок и волынку! Вот – собирает себе армию, генерал очумелый! Берет с собой от каждого гвардейского полка по бригаде. Братцы, простите – отстоять вас не смог, так и государыня решила.

Преображенцы покивали молча – чего не сказал Алехан, они и сами сообразили, не маленькие.

Граф Григорий Григорьевич Орлов при особе государыни держался уж на волоске. Многие дивились – как это умница Екатерина Алексеевна его до сих пор не сблагодостила в отставку, потому что похождения фаворита, в том числе и амурные, были известны всему Санкт-Петербургу. Втихомолку поражались долготерпению ее величества и поговаривали, что в государственных делах от графа толку ни на грош, а тем лишь и знаменит, что при царице вроде невенчанного супруга. Братья, Алехан и Федор, оказались куда умнее и, взлетев после шелковой революции так, что выше некуда, нашли, чем на этой высоте заняться. Старший же Орлов так и остался сообразительным, но непутевым Гришкой...

И уж совсем было собралась государыня отстранять его – не вмиг, понемногу! – но тут случился в Москве чумной бунт. Кто-то должен был этим делом заняться. Орлов вызвался сам, полагая, что чума к нему, здоровенному молодцу, не прицепится, а вернувшись победителем в столицу, он и благосклонность Екатерины Алексеевны себе вернет. Была и подспудная мыслишка – что как государыня испугается, в Москву волонтера не пустит, а вновь припадет к его широкой груди?

Но она хорошо понимала: негоже мужчину оставлять без дела. До сих пор все занятия, кои она для него изобретала, пользы не приносили, и должен же был настать день, когда любезный Гришенька болезненно осознает свое бездействие!

Так что тут же был подписан указ об учреждении комиссии по борьбе с чумным поветрием и о том, чтобы ее возглавлять сенатору Волкову. Сенатору было велено разом с Орловым отправляться в Москву и взять с собой поболее докторов. Орлов мужчина горячий, как раз дров наломает, а Волков будет его удерживать... коли получится...

Высказавшись в полную силу, Алехан показал список офицеров, которые командировались в чумную Москву.

Архаров увидел свою фамилию и поглядел на командира вопросительно. Вроде и не след отказываться от такого поручения, однако ж казалось ему, что Орловы ему покровительствуют, и на тебе...

– Вас, Архаровых, в полку два брата, пусть младший остается в Петербурге, – отвечал на взгляд Алехан. – И Григорий сам сказал тебе ехать. Ты у него на примете. Возглавишь бригаду Преображенского полка.

– Пусть так, – удрученно сказал Архаров и отошел от офицерского кружка.

Мало кому охота в двадцать девять лет помирать в чумном бараке.

Однако «Григорий» – «бодрствующий». То есть – бдит на страже, охраняя тех и то, к чему привязан душой. Что-то он имел в виду, особо сказав об этом назначении. А что – выяснится позднее.

Алехан уехал, и тут же в полку произошло разделение – на тех, кто оставался в столице, и тех, кого посылали воевать с чумой.

Остающиеся пытались как-то высказать сочувствие, но достаточно неуклюже. Отъезжающие вдруг явили по отношению к ним такое явное недоброжелательство, что вскоре остались одни.

– Вот те, бабушка, и Юрьев день, – сказал расстроенный Бредихин.

– Ничего, не трусь, ты себе и в Москве купчиху сыщешь, – ободрил его Медведев. – Там бабы мягкие, сочные, и на гвардейский мундир кидаются, задрав подол!

– Утешил... – буркнул Архаров. – Все бабы оттуда, поди, разбежались. Пойти собраться...

Офицеры заспорили – сколько и какого добра с собой везти. Сентябрь был прохладнее, чем обычно, однако до зимы далеко. Насколько затянется экспедиция – никто не ведал. Опять же, провиант и выпивка. Позволят ли гвардейцам снарядить толковый обоз, со всем необходимым, или для скорости марша ограничат их в багаже?

Они строили планы и пререкались, когда к плацу подкатила щегольская карета, дверца ее отворилась, и оттуда показалась нога в белом чулке, длины неимоверной. Следом же – другая, а за ней – и задние полы красивого серо-голубого кафтана, слева задранные шпагой.

Левушка выбирался из кареты комичным образом – нижней частью был уже на плацу, верхняя же никак не могла расстаться с уютным шелковым мирком, в котором явно царила незримая прелестница. Наконец, очевидно, комплименты были досказаны и ручки доцелованы, Левушка окончательно покинул карету, и она укатила прочь.

– Откуда это ты, Тучков? – спросил, подходя, Медведев, но Левушка отвечал не вдруг, как если бы не слышал вопроса. Его круглая мальчишеская мордочка была озарена блаженной улыбкой. И, коли присмотреться, была измазана румянами – очевидно, в карете Тучков не только дамские ручки целовал.

– Очнись, Тучков, – сказал, подходя, Архаров. – Ты где все утро пропадал?

– С матушкой в концерт ездили, сестрицу навещали. Ох, Николаша, что я слышал! Им из Вены нотные тетради прислали, там князь Голицын посланником, он музыку обожает! Что за мелодии! Князь юные дарования пригрел, братца с сестрицей, брат сочиняет и на клавикордах импровизирует! Николаша, непременно надобно, чтобы он в Петербург приехал! Коли он в тринадцать лет так сочиняет... Николаша, он ведь уже и оперы пишет, право, сам пишет! Девушки исполняли... особенно на арфе... Николаша, она божественна! Я глаз не мог отвести! Сколько скромности, сколько прирожденной грации, всех покорила!

Оказавшиеся рядом Бредихин и Медведев переглянулись – подпоручик Тучков, как всегда, размахивая руками, нес явную околесицу.

Околесица объяснялась просто – Левушка побывал в Воспитательном обществе и на радостях не делал разницы между юными воспитанницами и музыкой, ими исполняемой.

Это было еще одной прекрасной затеей государыни – воспитать «новую породу матерей», как сама она выразилась. Государыня, будучи сама довольно образованна, желала, чтобы и дворянские дочери читали Платона и Вольтера. Для нее такое чтение было при-

вычно с ранней юности – вот она и полагала, что многие способны пойти ее путем, отдавая предпочтение серьезным материям перед развлечениями.

Взяв за образец французский Сен-Сир, где еще покойная морганатическая супруга покойного французского короля Людовика Четырнадцатого, мадам де Ментенон, затеяла нечто вроде института для воспитания девушек благородного происхождения, Екатерина озадачила Ивана Ивановича Бецкого написанием устава для новоизобретенного заведения, благо он во Франции побывал и Сен-Сир посещал. Бецкой доложил, что замысел мадам де Ментенон извращен, институт преобразился в монастырь. Государыня здраво полагала, что уже имеющихся инокинь и стариц для российского общества вполне довольно. Однако, присматривая место, остановилась на Новодевичьем монастыре, в ту пору еще недостроенном. Он находился за городской чертой, в приятной местности, на берегу Невы. И для ухода за маленькими девочками, которых следовало брать от родителей шестилетними, еще не успевшими набраться всевозможных пороков, также подыскивали монахинь «благородного и опрятного обхождения».

Немудрено, что девиц, обучавшихся там Закону Божию, русскому и иностранным языкам – арифметике, рисованию, позднее даже географии и истории, танцам, музыке и рукоделиям, в Санкт-Петербурге тут же прозвали монастырками.

Как раз музыке монастырки обучались с большим успехом, так что со временем стали давать небольшие концерты по воскресеньям после обеда, куда посторонние не допускались, а только родители и самая близкая родня. По этой части у Левушки все было в полном порядке – матушка его, госпожа Тучкова, смекнула, что воспитанницы девичьего института будут пользоваться особой благосклонностью государыни, могут быть взяты даже во фрейлины, и при втором наборе девочек определила туда свою младшенькую, Маврушу. Пусть графья да князья держат своих дочек при себе, решила госпожа Тучкова, там приданое замечит и красу, и грамоту, а небогатая дворяночка должна сама в жизни прокладывать дорожку.

Конечно, следовало бы строго спросить у подпоручика Тучкова, где он пропадал столько времени. От казарм Преображенского полка до Новодевичьего не так уж далеко – как до Зимнего, если считать по прямой, то они почти посередине между дворцом и Воспитательным обществом. А он чуть ли не весь день отсутствовал.

Но ни у кого язык не шевельнулся портить Левушке последние безмятежные минуты.

Слушать про музыку Архаров желания не имел – да и не до нее было. Он несколько углубился в свои мысли, Левушка же тем временем сообщал подробности Медведеву, которого и перед отправкой в чумную Москву волновало описание девичьих прелестей.

Вывел Архарова из задумчивости внезапно зазвеневший, как струнка, Левушкин голос. Юный приятель и без того рассказывал о концерте взволнованно, а тут случился новый всплеск – и Архаров, не слыша всей восхищенной тирады, уловил лишь ее хвост:

– ... и дивные звуки исторгает!

– Откуда исторгает? – спросил в хмуром недоумении Архаров.

– Из арфы же! И у нее божественное имя!

Тут Архаров посмотрел на приятеля с некоторым любопытством.

– Как же ее звать?

– Архаров, ее звать – Глафира! – Левушка уставился на приятеля, как бы ожидая восторга, но восторга не случилось.

Архаров не сразу вспомнил значение: имен-то много, а голова – одна.

– Гладкая, что ли? Ну и как? Гладка ли?

Левушка вытаращил черные глазищи.

– Какая еще тебе гладкая? Ей тринадцать лет всего!

– Иная и в тринадцать уже все себе отрастила, – сказал заинтересовавшийся беседой Бредихин. – А что, Архаров, неужто тебе ни одной тощей Глафиры еще не попадалось?

– Мне, Бредихин, вообще ни одной Глафиры еще не попадалось. Мне все больше Дуньки.

И это было чистой правдой – с дополнением лишь, что девицы, которых иногда навещал Архаров в скромных домишках петербургских своден, придумывали себе звучные французские имена, от коих за версту разило враньем, но в большинстве своем были именно Дуньками, Парашками да Агашками. Теории сие не противоречило: «Евдокия» означает «благоволение», для любвеобильной девицы имя подходящее, «Параскева», она же «Прасковья», – «приготовление», «Агафья» – «добрая».

– Иная попадется – так весьма и весьма, – заметил Медведев. – Коли чисто себя держит.

– Да ну вас, господа, с вашими Дуньками, – сказал раздосадованный Левушка. – Так и помрете, не зная ничего лучше Дунек!

И страшно удивился, что ему никто не ответил. Более того – старшие несколько смутились.

– Ты, Тучков, еще новости не знаешь, – начал было Архаров, но Бредихин перебил его:

– Левушка, у тебя мать сейчас в Петербурге, лети к ней живо, пусть всю родню на ноги подымет! Надобно, чтобы тебя до завтрашнего дня вычеркнули из списков.

– Верно, – сказал Медведев. – Тебе сколько, девятнадцать? Братцы, нужно его выручать.

– Да что стряслось-то? – Левушка, растерявшись, переводил взгляд с одного лица на другое, но старшие не находили слов, чтобы объявить: он, девятнадцатилетний, жизни не видевший, завтра отправляется в чумную экспедицию.

Тут подошел Матвей Воробьев и, не здороваясь, похлопал юношу по плечу.

– Что, и ты? – спросил хриплым голосом. – Ох, разорюсь я с вами на панихиды. Вы хоть с курьером шлите известия – кто, когда, нет ли меня в завещании.

– Таких шутников не худо под батогом уложить, – сердито заметил Медведев, еще только начавший осознавать, чем грозит новое назначение.

– Так сударь! Ты вдумайся – это гораздо лучше, нежели на приступе чтоб ногу ядром оторвало! Повалешься дней пяток в горячке – и нет раба Божия. А то еще бывает такая прелесть, как пуля в живот – смерть от нее весьма мучительна.

– Матвей, шел бы ты со своими похоронными прибаутками, – строго сказал ему Архаров. – Нашел себе забаву.

Матвей несколько обиделся – обычно кладбищенские шуточки доктора пользовались успехом.

– Ты, Николашка, неучтив и зол, – сказал он. – Сам мне толковал, будто мое имя значит «дар Божий». Стало быть, все, что от меня, – тоже некоторым образом дар Божий. И быстрая безболезненная кончина должна быть причислена к наилучшим дарам!

– И то верно... – каким-то потерянным голосом заметил Бредихин.

– Такого проповедника первого надобно в Москву отправлять, пусть бы там зачумленным про безболезненную кончину проповедовал, – сердито сказал Медведев.

Тут на Архарова накатило.

– А что, возьмем Матвея с собой? – вдруг спросил он товарищей. – Поедет волонтером, а? Еще и в люди через это выйдет!

Медведев невольно рассмеялся. Ему еще не было тридцати, и, по его разумению, Матвей навеки упустил время, когда еще мог выйти в люди. В понимании Медведева карьера могла быть лишь одна – гвардейская.

Усмехнулся и Бредихин.

– У государыни на виду окажешься! – добавил он. – И прямая тебе дорога в лейб-медики! По Бургазовым стопам! Соглашайся, не кобенься!

– Матвей, ты же без нас один заскучаешь! Вконец сопьешься! Чего ты тут будешь торчать, аки хрен на насесте? Поехали с нами! – загалдели преображенцы.

Матвей задумался. Обвел взором (не совсем ясным после вчерашнего) знакомые лица. Вдруг резко развернулся и зашагал прочь.

Далеко он не ушел – Бредихин, обеспокоившись тем, что гвардейцы могли невольно обидеть доктора, пошел за ним следом и обнаружил его на лавочке.

Матвей ходил с тростью, которая ему частенько пригождалась – не только в пьяном состоянии, когда ноги плохо держат, но и отбиваться от шалунов, решивших сдуру, что кошелек, лежащий в кармане у пожилого записного пьяницы, легкая добыча. Сейчас он установил трость промеж широко расставленных колен, сложил на ее круглом стальном набалдашнике руки и уперся в переплетение пальцев плохо выбритым подбородком.

– Ты чего это? – спросил Бредихин.

– Оставь.

По лицу Матвея было видно – думает тяжкую думу.

– Мы же не со зла...

– Оставь.

Бредихин, чуя некоторую свою вину, уж собрался было позвать доктора выпить – тем более, повод такой, что лучше не придумаешь. Перед отъездом в чумную Москву прямой резон пить, не просыхая, до положения риз, чтобы не думать о скверном, потом же, на марше, хмель выветрится.

Вдруг Матвей вздохнул, выдохнул и встал.

– Еду, – объявил он.

– Извозчика тебе поймать? Сейчас велю Илюшке...

– Нет. В Москву с вами еду.

– Матвей, ты сдурел, – сказал на это Бредихин. – Сие у тебя с недосыпу. Поди проспись основательно.

– Нет, слушай... – доктор встал против гвардейца, взял его за плечи. – Знак, разумеешь? Божий знак. Еду, и все тут. Иначе – помру.

– Не помрешь.

– Нет, помру. Ты слушай... Я сегодня с утра... – Матвей задумался, потому что его утро случилось как раз после полудня, но исправляться не пожелал. – ...думал. Кто я есть – червяк бессмысленный или Божья душа. Конечно, я человек пьющий. Весьма пьющий. И потому порой полагал, будто Господь меня покинул, коли столько пить дозволяет. Я даже один весь ваш Преображенский полк перепить могу, особливо когда угощают... И сегодня с утра вздумал я, будто Господь обо мне вспомнил. Будто глядит на меня и говорит безмолвно: Матвей, сделай над собой что-нибудь, а я подсоблю. Последний срок тебе, говорит, ты уж немолод, а коли до чертиков допьешься, то тут тебе и погибель... Я, Бредихин, уже дважды чертей ловил, один от меня в печку ускакал, я лбом в заслонку треснулся, лоб рассадил...

– Только дважды? – усомнился Бредихин.

– И вот с утра я живу и жду – протянет мне Господь руку или же нет? А тут – вы в Москву с собой зовете. Решил – еду! Или подхвачу поветрие – так хоть будет кому за мной до смертного часа в бараке присмотреть. Или уцелею... но что-то во мне тогда непременно переменится. Может, от жажды Господь избавит, может, еще что-то произойдет... не ведаю, однако еду! Буду работать в чумных бараках – там не до выпивки. Авось меня чума от нее отучит...

– Дурак, – сказал на это Бредихин. – Давай-ка я тебя домой отправлю.

Но усаженный на извозчика Матвей отправился прямиком к графу Орлову. Тот знал его не первый год – так что врач был допущен к занятому сборами графу и включен в состав экспедиции тем же вечером. Любопытно, что Орлов даже не задал вопроса, по какой причине

запойный доктор просится ехать волонтером. Полагал, очевидно, что коли он сам вызвался добровольно, то и для прочих такое поведение естественно...

Преображенцы узнали об этом только накануне отъезда.

Левушка, который наконец дознался, из какой беды матушка должна его выручать, сперва завопил, что он товарищей ни за что не бросит. Потом, понуждаемый Бредихиным, отправился было к матушке – но с полпути вернулся.

– Какого черта? – спросил его Архаров, занятый сборами. Его собственное имущество укладывал денщик Фомка, а сам он занимался имуществом полковым. Рядовых отправляли на телегах, так что следовало озаботиться лошадьми, провиантом, фуражем, проверить всех и все, убедиться в полной готовности, а рядом оказался смертельно перепуганный, но уже принявший единственно возможное решение Левушка.

– Архаров, я со всеми.

Архаров повернулся к нему и посмотрел исподлобья.

Перед ним стоял девятнадцатилетний офицер – не мальчик нарядный, в облаке ароматной пудры и с головой, полной божественных аккордов, а офицер в мундире и при шпаге. И что же теперь – ругать его, жалеть его, отговаривать его?

Архаров решил, что незачем.

* * *

Чем дальше от Санкт-Петербурга – тем яснее ощущалась кратковременность осени.

По всем приметам, вскоре следовало ожидать ранних холодов. Кто-то видел чересчур рано пролетевших к югу журавлей – стало быть, на Покров приморозит.

Офицеры-преображенцы ехали вслед за измайловцами, развлекаясь беседой. Им не часто выпадал такой скорый и долгий марш, так что многие, привычные к верховой езде лишь в таком количестве, какое от них требуется в манеже, чувствовали себя весьма неловко. И Архаров – в том числе.

Он был равнодушен к лошадям, никогда не считал себя хорошим наездником. Смолоду еще бывал в манеже, но с годами убедил себя, что эта наука вряд ли когда в жизни пригодится. Разве что настанет день, когда, чтобы уйти в отставку в наиболее высоком звании, придется перейти ненадолго из гвардии в армию. Да и там не возбраняется офицеру ездить в карете.

Так что чувствовал себя Архаров на марше препогано. В первый же вечер насилу сполз с коня. Но жаловаться не стал – и без того сослуживцы видели, что ему тяжело пришлось. Тем более – продвигались очень споро, не имея возможности отдохнуть. Кавалерию и пехоту на телегах с малым обозом выделили в отдельный летучий отряд – корволант, при нем двигалась и легкая артиллерия. Корволант, возглавляемый Орловым, проходил по девяноста верст в сутки. Немало – но и немного, коли вспомнить, что гонец долетал из Петербурга в Москву за неполных двое суток. С другой стороны, даже если ехать в карете без лишней суеты, но так, чтобы на каждой станции были готовы свежие сменные лошади, то путешествие занимает девять дней. И что там, в Москве, за три дня переменялось бы?

Зато Левушка резвился и наслаждался жизнью. Он-то как раз прекрасно чувствовал себя в седле. И Бредихин тоже перенес злополучный первый день без особых страданий – чем несколько озадачил Архарова. Ему почему-то казалось, что плотный и избегающий уже верховой езды Бредихин должен мучаться не менее его самого.

На четвертый день Архарову не то чтобы стало намного легче, а просто ноги и задница освоились с непривычным положением. К тому же, он часть дороги проделал в карете с медиками. Там доктора, балуясь, пересказывали всякие мрачные истории, связанные с моровой язвой (так они чаще называли чуму), и вычисляли ее подлинное происхождение. Кое-кто

в турецкую войну служил в полках румянцевской армии и сталкивался с этой бедой лично. Заодно Архаров наслушался и про шашни в Медицинской коллегии.

Со времен государя Петра Алексеевича повелось, что медициной в России заведовали иностранцы. Их приглашали лейб-медиками ко двору, ставили их руководить госпиталями, больницами и аптеками. Русская речь в Медицинской коллегии и вовсе не звучала. Обеспокоенная этим государыня еще 9 июня 1764 года предоставила (а точнее – силком навязала) коллегии право присуждать степень доктора медицины российским подданным. И с первым же подобным докторским дипломом заварилась каша. Подал прошение о нем, приложив все потребные документы, и выдержал экзамен молодой врач Густав Максимович Орреус. Был он родом из Финляндии, пять лет служил лекарем в действующей армии еще в Семилетнюю войну, однако обрусел настолько, что Медицинская коллегия давать ему диплома не пожелала. Пока Орреус не нажаловался лично государыне – толку не добился. И стал первым российским доктором медицины, открыв тем самым дорогу и другим соискателям.

Сейчас он был уже в Москве и боролся с чумой, которую знал в лицо уже не первый год – у Румянцева он уже служил в должности генерал-штаб-лекаря и истреблял заразу в Валахии.

Архаров понемногу освоился на марше. Когда ранним утром ему подвели оседланного коня, он уже не вздохнул, а просто с некоторым трудом вставил ногу в стремя (Архаров был коротконог, весил пять с половиной пудов, и именно это необходимое упражнение обычно давалось ему нелегко), утвердился в седле и, пока денщик Фомка держал коня под уздцы, несколько подтянул стремяна. Отпуская их и потом подтягивая, он создавал своему телу при езде некоторое разнообразие, облегчавшее долгую дорогу.

Утро было ясное и располагающее к хорошему настроению души – настоящее хрустально-ясное утро бабьего лета.

Наскоро поев, как все, из солдатского котла, Архаров позволил себе просто посидеть на пригорке, чтобы потом галопом нагнать своих.

Мимо проехал широкой рысью на вороной кобыле измайловец Петруша Фомин, вертелся в седле, как сорока на колу, – искал знакомцев, к кому пристроиться и болтовней скоротать время. Глядя на него, Архаров ощутил некоторую зависть – ровесники же, одновременно в полки свои поступали, и Фомин был тогда заморышем золотушным, плохо выкормленным. А ныне, глянь-ка, геройский кавалер, под три аршина ростом, красавец, дамский любимец, отчаянная душа! Не в особых чинах, всего-навсего поручик, да вот Архаров капитан-поручик, а что ему с того радости? Никогда не сидеть ему в седле вот этак, гордась стройным станом, поглядывая на мир свысока. И любовные билетки от придворных дам и девиц все тоже как-то мимо архаровской квартиры проносят, тащат таким вот бравым кавалерам.

Впрочем, зависть сия была последним запоздалым всплеском давней болезненной зависти. Архаров поймал себя на этом слабеньком всплеске и хмыкнул, тут же напомнив себе, что давно успокоился, утомился, озабочен лишь тем, что связано со службой, а прочее – незначительно и достойно разве что молодых вертопрахов, вроде Левушки. Ему же весной, в мае, стукнуло двадцать девять. Скоро на четвертый десяток перевалит. Не старость, конечно, однако и не юность, а самый прекрасный возраст, когда и сила, и разум, и будущего впереди – много исполненных славными делами лет.

Ровесники... Так красавчик Фомин и помрет в поручиках, на перине, битком набитой любовными билетками...

Эта мысль несколько развеселила и действительно успокоила душу.

Архаров с косогора, так было не в пример легче, забрался в седло и поехал к своим.

Свои, вслед за измайловцами, возглавляли колонну. Впереди шли полевой рысью всадники-офицеры, за ними, порядком отстав, – пехота на телегах, а уж за пехотой – предводительствуемый каретами графа Орлова и сенатора Волкова обоз.

Преображенцы ехали, как и положено, в ряд по трое.

– Кой час било? – спросил Архаров Бредихина, изучающего циферблат карманных часов.

– Завести забыл, – пожаловался Бредихин. – Медведев, сколько на твоих?

Артамон Медведев ответил не сразу – царственно, величественно, с большим риском для челюстей зевал, никак не мог толком проснуться. Его сиятельство граф Орлов, не в состоянии сразу уgomониться после петербургских кутежей, и на марше устроил ночью безобразие – сам напился, немало молодых офицеров напоил, благо взял с собой, не надеясь на московское угощение, порядочно венгерского вина и водки.

Артамону в какой-то мере было легче, чем его сиятельству – его обдувал свежий ветерок. А граф Орлов спал в карете, и спал беспокойно, потому что подскакивал на ухабах. Карета-берлина, в которой он отправился усмирять Москву, была как целая комната – хоть в ней менуэт в четыре пары танцуй, вся в удобствах, включая матерчатые карманы на стенах, всевозможные ларчики и поставцы.

Орлов несколько раз пытался проснуться, но проваливался обратно в сон, и неспроста – сон был хитрый, предлагал ему то же самое, что ждало наяву, суетливую рожицу казачка Филатки, убранные поля и золотые рощицы за окном кареты, вид растянувшейся версты на две колонны...

Наконец Господь сжалился и послал особо норовистую колдобину, попав в которую колесом, берлина опасно накренилась, а граф, проехавши лежа по заднему сиденью, треснулся макушкой в стенку кареты.

Он невольно дернулся, приподнялся на локте, затряс головой, с трудом осознавая реальность. Наконец понял, чего ему угодно. Угодно было облегчиться. Орлов скинул вниз ноги в сползших чулках, богатырски потянулся. Богатый турецкий халат, распоясавшись во сне, распахнулся на мощной груди.

Казачок, вскочив с переднего сиденья и придерживаясь за стенку, всем видом явил желание услужить.

Орлов выглянул в окно и увидел, что солнце уже довольно высоко.

– Эва! Утро! Славно же мы вчера набубенились! – сообщил он казачку.

– Завтракать изволите? – без лишнего подобострастия осведомился тот.

– Не-е, другого чего изволю... Чарку и Арапа!

Казачок постучал в переднюю стенку кареты – в окошко для отдачи приказаний кучеру. Тут же за стеклом явилось бодрое лицо.

– Арапа подать его сиятельству! – подняв створку, велел Филатка.

Голова за стеклом кивнула и исчезла, а казачок полез в походный поставец за флягой и чаркой. Орлов взял у него флягу и понюхал.

– Черносморозинная? Нет, ты мне «ерофеича» налей. После вчерашнего брюхо поправить надо.

К «ерофеичу» он пристрастился после недавней затяжной хворобы. К застарелой лихорадке и боли в животе прибавилась еще дрянь, сперва его сильно напугавшая, – приступы удушья. Немецкие лекари оказались бессильны. За дело взялись вельможи – всякому хотелось способствовать исцелению фаворита. Всякий рекомендовал своего доморощенного эскулапа – и все без толку.

Повезло тому, кто и без того не был обделен милостями государыни, – Ивану Ивановичу Бецкому, бывшему тогда президентом Академии художеств. Бецкой подкупил Орлова

тем, что заявил честно – приведет коновала. Орлов невольно рассмеялся и сказал – приводи, сударь, хуже уж не будет!

К нему доставили маленького забавного мужичка, пожилых уже лет, который, будучи приставлен Бецким к Академии наук по медицинской части, числился там лекарским учеником. Плешь свою он не прикрывал париком, а начесывал на нее остатки волос и запудривал их яростно. Бецкой называл его Василием Ерофеичем. Лекарь и точно происходил из полковых коновалов. Потом уже, когда он, потчуй графа травными настоями, добился кое-какого успеха, граф узнал – в молодые годы Ерофеич увязался с караваном в Китай, где двадцать лет прожил при русской миссии и обучился своему искусству. А коли и соврал, коли он в Сибири травознайничать учился, тоже беда невелика.

Оный Ерофеич изготовлял настойку на многих травах и пользовал ею от всего, начиная с насморка и кончая слабоумием. Орловский живот не устоял против китайского снадобья, с легкой руки графа Ерофеич вошел в моду при дворе, а его панацея (так изволила называть сию мутную и адской крепости настойку государыня) стала почти ежедневным питьем для графа. И получила прозвание по имени составителя.

Казачок налил полную чарку из другой фляги.

– Извольте, «ерофеич»!

– Твое здравие, Филатка! – Орлов махом выхлестнул чарку и фыркнул по-конски. – А теперь давай натягивай мне сапоги!

Нужду он справил, стоя у распахнутой дверцы кареты. Затем прямо с подножки, на ходу, сел в седло подведенного берейтором вороного Арапа и поскакал вдоль растянувшейся колонны в одной расхристанной рубахе и узорчатом халате. За ним поспевал берейтор в ливрее.

Арап с утра был ходок, весел, баловался. Ощущать его конский азарт было одно удовольствие.

Взлетев на пригорок, граф из-под руки оглядел растянувшуюся колонну. С особым удовольствием отметил, как держатся в седле офицеры-пехотинцы – все в темно-зеленых мундирах, в черных поярковых треуголках, отличающихся лишь галуном на полях: у преображенцев – с крупными зубчиками, у семеновцев – с мелкими, у измайловцев – вообще без зубчиков.

Не испорченные чтением при свечах глаза графа издали высмотрели эти различия.

– Эх, молодцы преображенцы! Щегольски идут! – сказал он берейтору и пустил Арапа вскачь. Он был почти счастлив – утренняя встреча прохлады веселила тело и душу.

Догнав преображенцев, Орлов хлопнул по плечу Артамона, прошелся по поводу его помятой внешности, и тут же повернулся к Архарову.

Этого офицера, хоть он был и выше чином, чем повеса Медведев, Орлов на попойку (последнюю перед Москвой!) не звал. Давным-давно Архаров после драки в бильярдной сделался ему симпатичен – так теперь определяли это чувство, ни к чему не обязывавшее. Но граф, не обременяя своей памяти науками, более доверял ощущением, чем знанию. По ощущениям выходило: Архаров норовом покрепче всех братьев Орловых, включая Алехана, и иметь такого человека «своим» было полезно. То бишь, для дела полезно, а не для гулянки. На гулянке этакая пасмурная рожа разве что мысли о несварении желудка навеять может. Опять же, красавца Медведева можно по-свойски ударить по плечу, можно с ним ффировольно пошутить, этот же – глыба угрюмая, неповоротливая, поди, и шуток не разумеет. И кто его разберет, что у него там в голове шевелится...

– Что, не оробел, Архаров? – спросил граф. – Чума-то уж близко.

– Преображенцам робеть не велено, – кратко отвечал Архаров. Он не любил разводить белендрысы со старшими по званию. Да и вообще с ними разговаривать не умел – не получалось.

– Гляди, я тебя не напрасно взял, – напомнил и ему, и самому себе Орлов. – Хорошо себя окажешь – резво вверх поднимешься.

Архаров поклонился, молча выражая согласие.

Не зная, что бы ему еще сказать, Орлов несколько подумал – да и поскакал прочь, сопровождаемый берейтором.

– Приметило тебя его сиятельство, Николаша, – сказал Левушка.

– Еще бы он меня не приметил... Да что проку? – задал не имеющий ответа вопрос Архаров. – Не первый год слышу – окажи себя, будь на виду! А все в капитан-поручиках хожу.

– Французы называют сие «шанс», – блеснул подхваченным в какой-либо гостинной словечком Левушка.

– Да шел бы ты, Тучков, со своим шансом знаешь куда?

– Экий ты с утра несговорчивый!

С тем Левушка и отъехал от насупленного Архарова.

– Да, я таков, – буркнул вслед Архаров, а затем про себя ругнул графа так и разэтак. И чего подъезжал? Путного сказать-то нечего, а обнадеживать попусту... Надоело.

И такой вот, недовольный, он ехал и ехал, прислушиваясь к разговорам сослуживцев, однако в них не встречая. И только одно сказал, прищурившись на солнце:

– Пора бы привал делать.

– Приказа не было, – огорченно напомнил Левушка. На него временами такое нападало – быка бы съел без соли. Бредихин пошучивал – растет-де дитятко. А тут с раннего утра в седле, да после единственной миски солдатской каши...

– Скоро вторая чумная застава, – сказал Бредихин. – Славно граф Брюс постарался – как цепью Москву огородил. От самой Твери начал...

Со стороны обоза широкой рысью подъехал грузный всадник в расстегнутом кафтане – Матвей Воробьев. Он сидел в седле неловко и, судя по всему, был вопреки всем благим намерениям не слишком трезв.

– Так что же – нас теперь только в Москве кормить будут? – предположил Бредихин.

– Сие несносно! Без обеда я ни на что не годен, – прогудел Матвей.

Левушка всплеснул руками, изображая радостное удивление:

– Матвей Ильич, и вы в седле? Как отважились?

– Ногу в карете отсидел – вот и отважился. Встряхнусь, думаю. В Москве-то не до верховых прогулок будет. Нас, докторов, тут же к делу приставят, – с определенной гордостью заявил Матвей. – Там сам Самойлович лечит! Вот у кого учиться да учиться...

– А не боязно, Матвей Ильич? Мы-то, может, и до конца поветрия близко к зачумленным не подойдем, а вам-то с ними чуть ли не спать... – в Левушкином голосе было сплошное чистосердечное сожаление, но Архаров услышал и отчетливую нотку ехидства.

Матвей поднял вверх указательный перст:

– Укус! Первое дело – все через укус пропускать и укусом обтираться. Вот зараза и не пристанет.

– Вам, докторам, виднее, – согласился Артамон, – а все как-то ненадежно кажется: чума – и вдруг укус.

– Кабы так просто было, ее бы еще весной извели, а то – до осени в Москве застряла, – добавил Архаров.

Но Матвей сделал вид, будто не слышит критики.

– Еще уголь и обгорелое дерево, – такую загадочную рекомендацию дал он. – А также дым от них. Хорошо из навоза костры разводить. Можжевельник жечь. И Боже упаси что-то взять от зачумленного, хоть бы то был мешок золота!

Архаров задумался. В рассуждениях доктора он уловил противоречие.

– Мешок золота я бы взял. И в уксусе его промыл...

Матвей уставился на Архарова и ахнул.

– Не валяй дурака, Николашка! – прям-таки взревел он. – Подцепишь заразу – в тот же барак велю сволоочь, где самая подлая чернь подышает!

– Будет вам пугать, Матвей Ильич. И так тошно, – попросил вдруг присмиривший Левушка.

Перед последней чумной заставой граф Орлов оделся наконец, как подобало ему по чину, и возглавил колонну, призвав ехать с собой рядом сенатора Волкова. Тот без особого желания согласился. До Москвы оставалось – всего ничего. Всем было велено занять свои места – как положено на марше.

Это было 26 сентября 1771 года.

Движение колонны замедлилось. Она подошла к Камер-Коллежскому валу, который многие по привычке именовали Кампанейским валом, устроенному не сказать чтоб очень давно – тридцать лет назад. Он служил таможенной границей Москвы и имел шестнадцать застав, на которых проверяли ввозимые в город грузы, особое внимание уделяя табаку и спиртному – торговать ими имело право лишь государство.

– Москва, что ли? – спросил Артамон Медведев. – Опять застава? Сколько, черт побери, можно?!

– Это уж Тверская, – заметил Бредихин.

Левушка, чтобы понять обстановку, выехал на обочину и далее – на косогор. Там он придержал коня, и вид у него был удивленный.

Архаров порой ощущал в себе достойное малого дитяти любопытство. И касалось оно вещей неожиданных – как-то с четверть часа наблюдал за осой, искавшей выхода из застекленного окна. Он подъехал к Левушке и вместе с ним уставился на странное сооружение – вроде высоко поднятого над землей и бесконечно долгого грубо сколоченного стола шириной чуть ли не в сажень. На нем имелась и посуда – ушаты и лохани, как будто для угощения скота.

Там, где остановилась голова колонны, стол размыкался, но проезд был загорожен рогатками – тяжелыми бревенчатыми сооружениями на колесах, и стоял пост полицейских драгун. Поблизости горел большой дымный костер.

– Это что еще за диво? – спросил Левушка.

Но Архаров и сам не знал.

Служившие при заставе мужики откатали рогатки, перегородившие проезд. И стали вразнобой низко кланяться вельможам, которых углядели во главе колонны.

Граф Орлов на Арапе, при полном параде, при орденах, поехал к рогаткам, следом за ним – сенатор Волков. За Орловым, Волковым и орловской свитой ехали измайловцы. Не доезжая, он придержал коня.

Лишь теперь Орлов в полной мере осознал, что баловство окончилось. Впереди был враждебный город – из-за каждого угла могли полететь в колонну камни, мог и ружейный залп грянуть. Насколько в Санкт-Петербурге бунт был невозможен, настолько же он казался естественным для Москвы – разжалованной из российской столиц в обыкновенные города, полной недовольных, огромной и живущей каким-то странным, еще до конца не истребленным обычаем. Истории Григорий Орлов, понятное дело, не знал, однако уловил в воздухе некое веяние – а то почти столетней давности стрелецкими бунтами повеяло, теми, когда толпа, ворвавшись в Кремль, не смиралась, пока не отведала крови, а потом – будь что будет.

Примерно то же самое ощутил и Архаров.

Как если бы город, коего еще только не увидели, а только слышали и даже телом ощущали висящим над ним и пронизывающий его сплошной колокольный звон, явил вдруг

лицо – малоприятную рожу взъерошенного, пьяноватого и не скрывающего своих драчливых намерений, хотя и на миг присмирившего мужика...

Вдруг Орлов, словно рывком выходя из своего затянувшегося молчания, резко обернулся.

– Какого черта! – заорал он. – Растянулись соплей, тащимся, как вошь по шубе! Бирюков, марш по бригадам, вели ехать плотнее.

Ординарец кивнул и с места галопом поскакал выполнять поручение.

– И то, – одобительно молвил Волков, – неведомо, чего теперь от Москвы ожидать. Нпдо же – додумались Кремль штурмом брать! Сказывали, уже Еропкин пробовал воинские части вводить, так на них напали...

Орлов, перехватывавший посылаемые Еропкиным в Санкт-Петербург депеши, кивнул. И вдруг усмехнулся, блеснув ровными зубами:

– Гляди! Это по нашу душу! Стой, братцы!

С московской стороны к рогаткам скакала группа полицейских драгун. Саженьях в двадцати драгуны придержали коней, но один продолжал движение и натянул поводья, уже когда Орлов мог бы коснуться рукой красных обшлаг его синего мундира.

– Кто таков? – тут же отрывисто спросил граф.

– Послан господином генерал-поручиком Еропкиным встречь вашему сиятельству, майор Сидоров, к вашего сиятельства услугам., – несколько волнуясь, отвечал офицер. – Господин Еропкин отвели вам для местопребывания Головинский дворец, так велено ваше сиятельство и свиту туда сопроводить. Сами вас там ожидают.

По виду Сидоров был исправным служакой, лет около сорока. Орлов усмехнулся – хоть и полицейский драгун, а усвоил кавалерийскую повадку – в деле, кроме двух положенных пистолетов в седельных чушках, иметь еще один, нештатный, висящий на шее. И посадка у Сидорова была хорошая – опытного наездника посадка.

– Это что за Яузой? Где был Анненхоф?

Про Анненхоф ему рассказывала не раз государыня – много лет назад она именно тут приняла православие и была обручена с наследником российского престола.

– Так точно изволили заметить. Господин генерал-поручик рассудили, что там место побезопаснее, вроде не в самой Москве, – объяснил Сидоров и развернул коня так, чтобы, слева и чуть сзади от графа, сопровождать его до дворца.

– Разумно. А велик ли дворец?

– Изряден.

– Ну, сопровождай, – дозволил Орлов. И, слегка коснувшись шпорами боков Арапа, первым въехал в чумную Москву.

Спросить про многосаженные столы Архарову с Левушкой удалось у драгун, пока колонна втягивалась в проход.

– Для торговли устроено, – растолковали им. – С нашей стороны скупщики, с той – огородники, купчишки. Надолба широкая, чтоб руками друг до дружки не дотянуться. Деньги из рук в руки передавать запрещено, их в лохань с уксусом кидают, потом оттуда вылавливают. Так и бережемся.

– А что же пусто, где торговля? – спросил Бредихин.

– А какая торговля, коли бунт? Уж неделя, как подвоз провианта прекращен.

– И что, помогает уксус? – осведомился Левушка.

– Может, и помогает. Мы вон костры из навоза жжем, дым – тот помогает. Когда торг был, так все копченые ходили, – сказал драгун. – Потому и живы.

– Голодные, стало быть, сидят, – сказал про бунтовщиков Архаров. – Ну-ну...

Все менее и менее нравилась ему сия экспедиция.

Миновав Тверскую заставу, колонна двинулась к Земляному валу, который видом своим несколько ошарашил записных петербуржцев, до сей поры в Москве не бывавших. Гвардейская молодежь полагала, что все в мире укрепления должны быть величественны и одеты камнем, наподобие прекрасных бастионов Петропавловской крепости. Тут же явился взорам за рвом земляной вал, а поверху него шла деревянная стена с деревянными же башнями. Земляной вал имел, как и Камер-Коллежский, шестнадцать ворот. Но входить в Тверские не стали. Сидоров посоветовал добираться до Головинского дворца окраинами. И ближе получается, и спокойнее.

Приняв влево, колонна двинулась вдоль Земляного вала, за Красными воротами же, там, где вал закруглялся, сохранила прямое направление пути.

На ходу перестроились – офицеры уже ехали при телегах с рядовыми и с высоты сидел настороженно оглядывались. Высокие ворота многих дворов, увенчанные двускатными кровлями, были распахнуты, сие означало – живых тут не осталось, а у ворот запертых и на перекрестках горели дымные костры. На иных воротах, а также прямо на домах с заколоченными окнами сверху были намалеваны красные кресты.

Москва гудела – теперь уже со всех сторон шел колокольный звон.

– Красиво встречают, – отметил Орлов. – Как царствующую персону.

– Ты вон туда, Григорий Григорьевич, глянь, – посоветовал Волков.

– Вижу...

В створе переулка, почти на перекрестке собралась толпа, главным образом мужчины, иной в кафтане, иной в длинном буром армяке. Замешались в нее и лица духовного сословия, причем многие имели в руках колья и камни.

– Могут напасть, ваше сиятельство, – предупредил майор Сидоров. – Они с того самого дня, как Кремль брали и винные погреба громили, опомниться не могут, последний умишко пропили. Им теперь сам черт не брат.

– Не посмеют, – брякнул свысока граф, искренне полагая, что его расшитый золотым галуном кафтан должен внушить бунтовщикам почтение – и не указ же государыни им предъявлять, с них кафтана и начальственного места во главе вооруженной колонны должно быть довольно.

– Их тут под сотню, – оценил обстановку набравшийся за эти дни печального опыта Сидоров. – Друг перед дружкой хорохорятся, ваше сиятельство.

Орлов не желал начинать свою московскую карьеру с побоища. Опять же, государыня просила управиться с Москвой человеколюбиво.

– Мы их не тронем – и они нас не тронут.

– Как вашему сиятельству будет угодно, – сказал Сидоров. И вынул из петли кожаного ремешка висевший на шее пистолет.

Архаров не видел этого, но по природной своей подозрительности решил, что боя не миновать. Помешать гвардейской колонне дойти до дворца бунтовщики не могли, однако уложить несколько человек наповал – вполне. Уж больно они нехорошо глядели, тут и читать по харям было незачем.

Бунт бессмыслен – так понимал умом Архаров, бессмысленно это недельное буйство, что началось со штурма Кремля и убийства митрополита. Коли орловская экспедиция столкнется с трудностями – тут же на Москву двинутся армейские полки. Это – с одной стороны.

С другой – как же разгуляется чума, коли тут начнется война?..

Он знал, что, идя на противника, останавливаться в сомнении – смерти подобно. И граф Орлов еще не решил, как быть, ехать ли, притворяясь, что не глядят из переулка возможные убийцы митрополита, призвать ли их к порядку, а Архаров уже негромко приказал своим преображенцам, без команды соскакивавшим с телег:

– Заряжай! Бить под ноги!

И сам вытянул наружу пистолет.

Это стало сигналом – из толпы наконец полетели камни, кони попятились.

– Огонь! – приказали одновременно и Архаров, и другие командиры.

Грянул скорый и недружный залп, брызнула мелкими комьями земля, поднялась пыль, вразумленная толпа тут же отступила, унося кое-кого пораненного.

– Перезаряжайте, – велел Архаров. – Ну, матушка-Москва, вот и поздоровались.

Сквозь пыль было видно и слышно – бунтовщики разбегаются. Возможно, чтобы собраться в ином месте, более удобном для нападения. Кто их разберет. И сколько в Москве тех, кто способен вдруг, по свисту, по призывному воплю, сбиться в толпу, – тоже неведомо.

Ведомо же Архарову иное. Поодиночке каждый из тех, кто образует готовую крушить и убивать толпу, – трус. Иначе бы не искал для своих безобразий большой компании. А когда до труса дойдет, что пуля попадет именно в него, – он внезапно и надолго умнеет.

Такое уже было – в этой самой Москве, в ребячьей драке, когда двое-трое противников отступали перед семилетним мальчишкой, потому что не знали – кого из них он, оглохнув от ярости, кинется убивать. Наука, однако – в полковой солдатской школе таковой не проходили...

Колонна, ошетинившись ружейными дулами и даже обнаженными офицерскими шпагами, сбилась поплотнее, как и велел граф, ускорила движение. До Головинского дворца оставалось немного, когда Орлов увидел фуру.

Ее тащили две лошади, шагая мерно и неторопливо. На облучке сидела фигура в длинном жестком плаще тусклого черного цвета, прикрывавшем все тело, и в маске. Фигура лениво помахивала длинным кнутом. Рядом с ней торчал шест, на нем болтался незажженный фонарь.

Посередке фуры был продолговатый груз, кое-как укрытый старыми рогожами, не подоткнутыми, а набросанными поверх него кое-как.

– Примите в сторонку, ваше сиятельство, – посоветовал ехавший не вровень, а чуть позади Орлова майор Сидоров. – Не то ветром заразу навееет.

– А это что еще за диво, господин майор? – спросил озадаченный Орлов.

– Негодяи, ваше сиятельство. Живые покойники. Осматривают дворы, входят в дома, крючьями цепляют мертвые тела, вывозят из Москвы и хоронят в ямах. Вон, добычу везут...

– Что ж ты их негодьями кличешь? – удивился Волков. – Правильно их звать – мортусы.

– Негодяи и есть, ваше сиятельство. Самого последнего разбора людишки, кому все одно помирать. Из тюрем их понабрали. Так бы его за душегубство казнили, а то он в негодяи добровольно пошел, хоть перед смертью по воле погулять. Каторжники, убийцы, больше никто не согласен.

Орлов со свитой подался к самому забору, постарался скорее миновать фуру, груженую мертвыми телами. Мортусы, сидевшие сзади, казалось вовсе не замечали кавалеристов. Поперек колен у них лежали длинные шесты с крючьями на концах. Тоже, коли вдуматься, оружие...

* * *

Головинский дворец, как полагали москвичи, был заложен еще государем Петром Алексеевичем. Довод был таков – кому бы еще понадобилось строить его за Яузой, поблизости от Немецкой слободы? Анненхофом его прозвала государыня Анна Иоанновна, которой полюбился разведенный тут сад. Сад был знатный, и про него тоже много чего рассказывали: будто бы до последнего времени была жива рощица, насаженная в одну ночь, чтобы угодить Анне Иоанновне; будто бы роща сия была насажена еще Петром Великим; будто

бы место под сад приобретено у Франца Лефорта; будто бы везли туда деревья, купленные в Персии, но не довели...

Преображенцы увидели его впервые и поразились его величине.

Это, собственно, было не одно царственное здание, а целое хозяйство, включая дворцовые мастерские и конюшенные дворы. Был тут и свой манеж, и своя церковь – Петропавловская, и свой Оперный дом за протокой. Здания, как было заведено в Москве издавна, соединялись переходами. Вблизи оказалось, что великолепие основательно обветшало, и стены, издали глядевшие каменными, обтянуты расписным холстом, изрядно обтрепавшимся.

По осеннему времени клумбы, на которых обычно цвели дорогие тюльпаны, нарциссы и лилии, были пусты, а на дорожках лежала палая листва, еще не убранная – надо полагать, по случаю чумы многие обыкновенные дела здешними жителями откладывались до лучших времен.

Между деревянным дворцом и рощей был обширный луг, на котором решено было разбить лагерь, а офицерам отвели помещения в самом дворце. И это вызвало отчаянную суматоху – после пожара 1753 года здание хоть и было наскоро отстроено, однако имущества имело очень мало. Прошли те времена, когда тут устраивали коронационные и прочие обеды.

Генерал-поручик Петр Дмитриевич Еропкин, под чьим началом временно оказалась чумная Москва, ждал Орлова с его экспедицией в Головинском дворце и был найден в парадной столовой, где отдавал распоряжения прислуге. Через помещение то и дело пробегали лакеи с охапками одеял и белья, тащили мебель.

Архаров увидел высокого и худощавого мужчину, слегка сутулого, но плечистого. И по его повадке понял – смолodu был силен, еще и теперь, поди, кочергу узлом завяжет. И лицо приметное – глаза большие, хотя несколько впалые, нос орлиный. Одет генерал-поручик был в простой кафтан и камзол, почти без позумента, но столько достоинства в себе имел, что Орлов, сияющий золотым галуном, орденами и перстнями, рядом с ним был – как деревенский парень, которого портной использует вроде тряпичного болвана, чтобы примерять одежду, которая шьется для его господина.

Он пошел навстречу Орлову и офицерам, несколько прихрамывая, с графом и с Волковым обнялся, прочих приветствовал словесно.

– Что это с тобой, Петр Дмитрич? – спросил Орлов.

– А под дождик попал, – как бы обращая ответ в шутку, сказал Еропкин. – Под каменный. Коли мои депеши государыне читал – так, поди, все знаешь...

– У Спасских ворот? – блеснул осведомленностью Волков. И они заговорили потише – так что Архарову уж было ни слова не разобрать. Тем более, что офицеры, как младшие по чину, стояли несколько в сторонке.

– Встретили нас по-царски, – говорил граф. – Да только многовато было колокольного звона, до сих пор в ушах гудит. Или мне мерещится?

– Нет, все еще звонят, – утешил Еропкин. – Сие не встреча, граф. Москва так от чумы оберегается. Говорят, звон лечит.

– И много ли колокола помогли?

– Да кто их разберет... Сие дело не человеческое, но божеское, нам не понять...

– Вон митрополита – и то не уберегли ваши колокола! Воля твоя, сударь, а только изловить и наказать убийц митрополита надобно, – сказал граф Орлов. – Слыханное ли дело – бунт в Москве!

– Не стоит, люди и так напуганы выше меры, – ответил Еропкин. – И коли ищешь виновника, так он перед тобой. По моей вине погиб митрополит. Наказывай!

– Ну что ты такое плетешь! – воскликнул граф. – Ты, сударь, гляди, при государыне этак не брякни. Ты сделал все, что мог...

– Митрополит, когда бунтовщики взяли Кремль и громили Чудов монастырь, просил у меня пропускной билет за город. Он ждал билета в Донском монастыре, уже переодетый, а я вместо того отправил ему офицера для охраны. Офицера – одного! Моя вина, ваше сиятельство. Я должен был дать митрополиту надежную охрану. Я не предусмотрел этой слепой ярости толпы...

– Да разве ж у толпы зрячая ярость бывает? – горестно пошутил граф. – Уймись, Петр Дмитриевич. Нельзя позволять черни думать, будто Москва может безнаказанно убивать митрополитов. Слава Богу, у нас есть власть и закон.

– Не трать речей, Григорий Григорьевич. Убийц сыскать невозможно, – сказал Волков. – Убила митрополита толпа. И тут же понеслась гулеванить, пить, безобразничать, а потом глядь – и нет толпы. Есть отдельные жалкие людишки, сами не разумеющие, до чего допились и во что ввязались.

– Судить толпу тоже невозможно. А карать толпу... – Еропкин вздохнул. – Она уже получила от меня залп картечи.

– Пусть благодарят, что малой кровью обошлись! – выпалил Орлов. – Убийц искать будем и найдем!

Архаров, слушая это, прекрасно графа понимал. Как усмирять Москву – граф еще не ведал, а вот наказание убийц – дело понятное, и его проще всего провозгласить сейчас главным.

– Ты бы еще подсказал, граф, как искать убийц в здешних чумных трущобах? – возразил Волков. – Да и не велела государыня строго карать. Чуму истреблять велела. Да и еще – они, убийцы, здешнему обывателю свои, родненькие, кто брат, кто сват, ты же, граф, чужой. И люди твои – чужие. А здешние – запятнаны, все батогов боятся. Потому будут упираться до последнего.

– Стало быть, и не тронь? Для чего же мне государыня губернаторские полномочия дала? – граф начал закипать.

– В Москве с начала бунта подвоз провианта был прекращен, народ зол. Мрут – по тысяче в день! Куда везти больных – сами не знаем! – возвысил голос Еропкин. – Несколько больниц разгромлено, врачи убиты! А ты – сыскать убийц, которые, поди, уже на смертном одре вельзевулу душу отдают! Да и кто станет искать?

– А кто должен?!

Еропкин невольно усмехнулся.

– Должна-то полиция. Да только какой с нее ныне спрос? В Москве сегодня полиции, считай, нет. Кто уцелел – те на заставах, охраняют, чтобы чумные по всей России не разбежались. Ну, коли больницы разгромлены – как ты полагаешь?.. Полицейских драгун на посылках двадцать человек быть должно – где они? На съезжих дворах хорошо ежели по два, по три человека обретается, и те нос высунуть боятся. А всего-то тех дворов на Москву – дюжина.

– Нет, стало быть, у нас полиции, – подытожил Волков. – И обер-полицмейстера нет. Господин Юшков изволил к себе в подмосковную укатить, все дела бросив...

– Нет – так будет, – хмуро сказал Орлов. – Дмитрий Васильевич, ты меня знаешь. Уж коли мне что на ум взбрело...

– До сей поры с людьми дело имел, а не с чумой, сударь, – ответил Волков.

– Чума да толпа! – воскликнул граф. – Другого кого страшайте! Против чумы я целый обоз докторов приволок. А с толпой разберусь – знаете, как?

Он достал из кармана монету, согнул пальцами и бросил на стол.

Волков и Еропкин переглянулись.

Архаров ждал, что Еропкин тут же разогнет монету, но генерал-поручик не пожелал на ребячий лад мериться силенкой.

– Я более против обывателя не ходок. Довольно с меня той картечи, – сказал он. – Я два дня с коня не сходил, где стычка – туда и скакал, просил, уговаривал... Меня государыня за ту картечь по головке не погладит...

– А мне с поветрием управиться велено. Тебе же, граф, погасить бунт. И вспомни, государыня никогда и ни от кого не требовала невозможного. Ты же за несбыточным погнался, – Волков усмехнулся. – Ничего, утро вечера мудренее.

Орлов, не ответив, повернулся и пошел в другой конец столовой, к офицерам.

– Горяч граф не в меру, – сказал тихонько Еропкин.

– Это он, Петр Дмитрич, не от горячности, а государынину благосклонность вернуть хочет, – так же тихо ответил Волков. – Вы тут, в Москве, поди, не знаете, – охладела к нему матушка Екатерина, а точнее... устала она от него. Утомил. И все более от него отдалается.

– Вон оно что... А ведь долго при государыне продержался... Десять лет, кабы не более...

– И повенчаться с ней желал, да не вышло...

– Ну, у него свой резон, у нас – свой, – подвел итог Еропкин. – Нам государыню под венец не вести, нам бы кашу эту чумную расхлебать – и за то Господа возблагодарим...

Орлов, понятное дело, этих речей не слышал.

Он смотрел на своих офицеров – измайловцев, семеновцев, преображенцев, конногвардейцев. И они на него смотрели. Ждали приказа. А как прикажешь дворянам заниматься сыском?

– Такое дело, братцы, – сказал наконец граф. – Кто возьмется сыскать убийц митрополита?

Никто не вызвался.

Бредихин чуть подтолкнул Архарова, сие означало: к тебе граф примеряется, подай голос. Архаров упрямо молчал.

– Так, – сказал Орлов. – Чины, стало быть, и мое благоволение побоку, более в них никто не нуждается.

– Мы офицеры, а тут сыщики нужны, – сказал измайловец Петр Фомин. – Возьмемся, да и загубим дело.

– Сыщиков у меня тут нет, а убийц изловить надобно. Архаров, что молчишь? Я тебя знаю, ты хитрый. Мне уж ведомо, как ты в полку вора ловил. Давай-ка попробуй, благословясь, – приказал граф.

К тому и шло, подумал Архаров, к тому и шло...

– Так то фураж воровали и на сторону продавали, – ответил он. – Овес и сено, там большого ума не надобно...

– Сам знаю, что с фуражом куда как проще было... А надо. Толпа должна знать, что и на нее управа есть. Чтобы сто раз мужик подумал, прежде чем в толпу замешаться!

– Так-то так, ваше сиятельство, – вроде бы согласился Архаров. – Да только этому делу не обучен.

– Вот тебе мое слово – полковником станешь.

– Или полковник, или покойник, – огрызнулся Архаров, глядя при этом на запыленные округлые носки своих сапог.

– А коли таков мой приказ?

– Приказ – иное дело.

Он невольно выпрямил спину, несколько выпятил живот, придал себе осанку офицера, готового выслушать и ретиво исполнять любую дурь.

– Силком тебя в полковники тащу, – Орлов как-то нехорошо усмехнулся. – Бери в помощь кого считаешь нужным и ищи душегубов.

Архаров ждал, что будут еще какие-то обещания, но граф развернулся и пошел к Еропкину с Волковым.

Сделалось обидно. Не слишком, но все же... С капитан-поручиком следовало бы обходиться не столь кратко.

– Чего надулся, как мышь на крупу? – спросил Бредихин. – Было бы тебе ведомо, что и при государе Петре Алексеевиче преображенцы сыском занимались.

– Я древней истории не знаю, – буркнул Архаров.

– Я тебе почитаю, коли уцелею, – пообещал Матвей. – а граф к тебе неспроста привязался. Его сиятельство полагает, будто ты по глазам о человеке судить выучился.

– Ну и что глаза?

– А ты, сударь, на всякого так глядишь, словно бы спросить желаешь: а не обокрал ли ты наемни, добрый человек, церковь Божию? А коли обокрал – верни оклады с образов, не то последних зубов лишишься!

– Точно, Николаша, – подтвердил Левушка. – Именно так ты и глядишь.

– Шли бы вы оба... – Архаров вздохнул и завершил мудреным словом: – Фи-зи-ог-но-мисты!

«Физиогномисты» переглянулись – им показалось забавным насупленное архаровское лицо. Но более ничего не сказали.

Он скинул с плеч молодецкую осанку, вздохнул, побрел к окну. За окном в полной черноте, отражающей смутную суету в столовой, вспыхивали и носились огни: солдаты ладили бивак.

Архаров вспомнил, как летели из толпы камни, и забеспокоился. Следовало убедиться, что солдаты размещены в хорошем месте и безопасны от возможного нападения. Подлая чернь вряд ли осмелилась бы штурмовать Головинский дворец, как штурмовала Кремль, но чтобы совершить дурацкую вылазку – довольно десятка отчаянных голов и ведра водки.

– Пойдешь со мной, Тучков, – сказал он и прибавил завидной длительности слово, заученное еще смолоду: – На ре-ког-нос-ци-ровку!

Вокруг Головинского дворца был огромный и запущенный парк. В сумраке он казался совершенно бесконечным. Виднелись черные остовы больших оранжерей, белели статуи на постаментах. Часть этого сада, что ближе к лугу, уже заняли белые палатки гвардейцев. Горели костры, перекликались люди. Архаров решил обойти бивак и убедиться, что часовые выставлены и способов навредить солдатам нет.

Они с Левушкой, взяв фонарь, обошли обозные телеги, но прямая дорога привела к каким-то загибающимся аллеям, и преображенцы не сразу сообразили, что дефилируют вокруг необъятной клумбы, а лишь на третьем круге. Потом они невольно забрели в большой боскет, где стояли почти истлевшие, когда-то крашенные под бронзу деревянные скамейки.

– Тут бы все расчистить, беседки заново построить, – рассуждал Левушка, – дорожки для верховых прогулок по краю пустить, самое модное московское гулянье тут бы было... Осторожно, Николаша, опять мостик. Вот ведь накопили канав!

– Тебе бы все про гулянье, – проворчал Архаров, весьма недоверчиво глядя на трухлявый мост с кружевными перильцами. – Другое тебе на ночь глядя в этой сырости на ум нейдет? Сейчас опять пойдешь про монастырок сказки сказывать...

– Неужели ты, Николаша, вовсе не чувствуешь прекрасного? – горестно спросил Левушка.

– Я чувствую, что этими буреломами любой подлец ко дворцу незаметно подобраться может, вот что я чувствую! А его сиятельство такой у нас разгильдяй, что, должно быть, и о караулах распорядиться забыл. Нас ведь ни один часовой не окликнул. Как бестолковые приказы отдавать – так он со всей охотой! А как разумный приказ отдать – так ему и в ум нейдет...

– Его сиятельство тебе добра желает, – осторожно намекнул Левушка.

– Добра! Еще бы граф мне велел луну с неба достать...

– А вон она, луна, – заметил Левушка, подняв голову. – Полнолуние ныне...

И запел на заунывный мотив:

– Уже со мраком ночи простерлась тишина, выходит из-за рощи печальная луна...

Но его звонкий молодой голос не заглушил шороха, какой бывает, когда человек идет по толстому слою опавшей листвы.

– Стой! – заорал Архаров. – Стой, сволочь, не то убью!

И во всю прыть, а бежал он при нужде довольно быстро, кинулся по дорожке туда, где мелькнула тень.

– Господи благослови! – Левушка быстро перекрестился, выхватил шпагу и побежал следом.

Погоня была недолгой – никто и не пытался удрать.

Архаров подскочил к остолбеневшему человеку с ведерком в руке и схватил его за плечо.

– Кто таков?! Для чего по ночам у дворца слоняешься?!

– Да живу я тут, сударь мой, – миролюбиво отвечал беззубым невнятным голосом пойманный старичок. – Смотритель я здешний. А ты, сударь, должно, из петербургских, что сегодня понаехали?

– Смотритель? А как звать?

– Афанасием Федоровым звать. Я тут, при дворце, уже тридцать лет состою. Да не трясина ты меня, сударь! Вон уж чулки у меня мокрые...

– С чего у тебя, дядя, чулки мокрые? – удивился Архаров.

– Вода из ведра плещется.

– А в ведре что?

– Рыбка. Тут большие рыбные пруды остались, я хожу, верши ставлю, а то и с удой посижу...

В доказательство дядя Афанасий предъявил ведро.

– Точно, плещется что-то, – подтвердил, заглянув, Левушка.

– Ну так пойду я? – спросил смотритель.

– погоди. Тридцать лет, говоришь? Так ты, дядя, тут все закоулки обшарил.

– Не без того, – подтвердил смотритель. – А чего надобно?

– А проводи-ка ты нас по парку, покажи, где он кончается и крепка ли ограда.

– А на что она? – удивился смотритель. – Чего отсюда воровать? Беседку какую трухлявую разве разобрать на дрова?

– Веди, веди! – приказал Архаров. – Я тебя знаю, ты сам на ту беседку охотников до дармовых дров навел и с того малость поживился.

– Батюшки мои! – воскликнул, ужаснувшись, смотритель. – Да кто ж тебе, сударь мой, донести успел?

– А по роже видно, – недоумевая, чему тут удивляться, отвечал Архаров.

– А граф-то, выходит, сам догадался, – тихонько сказал Левушка. И усмехнулся. Он понял: то, что в полку сослуживцы уже давно приметили, Орлов открыл для себя самостоятельно по каким-то случайным признакам и обстоятельствам. И, пожалуй, когда решил взять Архарова в Москву, именно эту его особенность неведомо для чего имел в виду.

Старый смотритель искренне обрадовался слушателям.

– А велик ли сад – точно не скажу, я его, сударики мои, не мерил. А знаю я вот что – как меня сюда определили, в тот же год были большие посадки. Две тысячи лип из князя Урусова вотчины привезли и рассадили, а шпалерным деревцам и вовсе несть числа. Потом

ильмы, ясени везли, клены, орешника – великое множество, деревянных фигур золоченых зверского образа... да вот одно диво уцелело, глядите...

– Черта с два тут углядишь. Лев, что ли? – спросил привычный к каменным и деревянным львам Архаров.

– Срамно сказать – а как если бы мужик львицу того... Рожа бабья, титечки бабьи, лапы с когтями, тулово львиное. И вот таких по всему саду понатыкали.

– Сфинкс! – на весь парк завопил Левушка. – Николаша, вот те крест – сфинкс!

И кинулся ощупывать срамное животное.

– Уймись, Тучков, нам еще за теплицами пройти надо, за прудами, – сказал Архаров.

Но Левушка разыгрался. Когда за поворотом аллейки обозначилась круглая поляна, посреди которой на невысоком постаменте стояла попорченная временем и непогодой белая голая фигура со всеми дамскими признаками, он полез к той фигуре ростом мериться и обниматься. Насилу Архаров согнал его с постамент. Пошли далее.

– Вон там был у нас Летний Анненгоф, вон старый фундамент, дворец когда еще сгорел, никак не разберут, а вон там – люстгауз.

– Какой гауз? – спросил сохранивший туманные воспоминания о немецком языке Архаров.

– Люст, то бишь увеселительный дом.

– Что ж у вас тут такая путаница? Как если бы без всякого плана парк разбивали, – заметил Левушка.

– Так разные люди разбивали. Тут ведь несколько парков в один соединили, и каждый – на свой лад, – объяснил смотритель. – Зато нигде более вы таких прудов, как у нас, не сыщете! И Крестовый пруд у нас с каскадами, и Нижний пруд с каскадами, и где Анненгоф, на большой протоке тоже каскады. А какие партеры у Нижнего пруда! Острова с беседками – не хуже чем в столице... да только обветшало все...

Он вздохнул.

Архаров вертел головой, пытаясь определить, куда их завел этот провожатый. Ему важно было знать, где тут проложены привычные для обывателей дороги. Когда ехали ко дворцу – колонна шла прямо через парк. А он хотел понять, откуда ждать опасности.

– А там уж, за прудом, и Яуза, – наконец показал рукой смотритель. – Дорога вдоль нее идет. Там вон – военный госпиталь, где главным – господин Шафонский, тезка мой. От госпиталя тоже дорога есть. Там, служители сказывали, еще год назад чумная язва объявилась, да только господин Шафонский тут же ее распознал. Сразу ворота на запор, весь госпиталь в дыму! Тогда-то удержали... А вон в той стороне – Кремль. Ну, довольно с тебя, сударь?

– Довольно, да не совсем, – сказал Архаров. – Не нравится мне все это... Сфинксов поставили, а об охране не подумали.

– Да от кого тут охранять? Меня все знают, да и я всех знаю, воровать, опять же, из парка нечего, вон голые девки стоят – и никто на них не польстился...

– А вон там кто пробирается? – вдруг спросил Архаров, услышав шорох листвы.

– А это истопник Сенька к девкам бегать повадился, его дело молодое, – беззаботно отвечал дядя Афанасий.

– Окликни его, – приказал Архаров, подбравшись. – Не нравится мне твой Сенька...

В чем была причина неприязни – он и сам не знал. Возможно, беспутному Сеньке следовало показаться, поклониться, позволить себя опознать... да и какие девки, когда во дворце такая суматоха и каждая пара рук на счету?

– Так тебе – то что, сударь? Главное, чтобы девкам нравился! – возразил смотритель.

– Окликай, говорю. Он там не один.

– Сенька, паскудник! – неожиданно пронзительно завопил дядя Афанасий. – Подь сюды!

Тот, кого заметил Архаров, кинулся бежать, и тут оказалось, что он действительно не один.

– Стоять! – заорал Архаров и помчался в погоню, Левушка, норовя поменьше размахивать фонарем, – за ним.

– Ахти мне!.. – пробормотал пораженный наблюдатель. – Снова нам гореть... Пойти пожитки увязать поскорее...

И, ни о чем более не беспокоясь, поспешил ко дворцу – стараясь, впрочем, не слишком расплескивать воду из ведерка.

Архаров и Левушка, пробежав какими-то закоулками и едва с разбега не влетев в пруд, остановились, сопя.

– Ты заметил, куда мерзавцы делись? – спросил Архаров.

– Вроде туда поскакали...

– Эх, надо было деду сказать – тревогу бы поднимал... – и Архаров побежал в указанном направлении.

Очевидно, те, за кем они гнались, знали такое место, где ограда у сада отсутствовала напрочь. Архаров и Левушка сами не поняли, как оказались на дороге.

Выскочив из кустов, они чуть не налетели на долгую фуру мортусов. На сей раз фура была пуста, один негодяй в черном балахоне с дырками для глаз сидел на облучке, двое – рядом, свесив ноги. И был у них небольшой тусклый фонарь на шесте – чтобы все их издали видели и дорогу уступали.

Лошади шли таким неторопливым шагом, что их бы и брюхатая баба обогнала.

– Эй, братцы, не видели – тут люди не пробегали? – обратился к мортусам Архаров.

Ответа не было.

– Тут никто не пробегал? – спросил и Левушка.

Мортусы словно оглохли.

– Вот суки! – с тем Архаров схватил под уздцы и остановил лошадь.

– Не балуйся, барин, – деловито прогудело из-под маски. – Пусти чуму. Не то пристанет зараза – не отмоешься.

– Ты мне ответь, так и пуцу, не то отведает кулака, – спокойно сказал Архаров.

Мортус замахнулся кнутом, Архаров неожиданно ловко увернулся и, перехватив плетеный ремешок, выдернул кнут и тут же сломал о колено.

– Я тебя научу, как на офицера замахиваться! – крикнул он. – Последний раз добром спрашиваю – не пробегал ли кто?

– А чуме начхать, кто ты, офицер или парашник, – отвечал другой мортус, соскакивая и повернулся к Левушке. – Баринок, уйми старшего. Рассержусь – не обрадуется.

У этого голос был звонок, выдавал молодость, норовящую прикинуться зрелостью.

– Да вы бы ответили и дальше ехали, а с ним не связывались, – сказал на это Левушка. – Кулак у него тяжелый.

– Не тяжеле моего, – задиристо заметил мортус.

– Ну, подходи, – позволил Архаров.

При всей своей рассудительности и подозрительности, сейчас он хотел драться. То ли погоня разгорячила ему кровь, то ли таким образом желало выплеснуться недовольство графом Орловым, он не знал и докапываться не желал.

Он умел выкидывать из головы лишние мысли, чтобы в бою ими не смущаться, а довериться своему телу, своим рукам, своим чугунным кулакам. Так оно, по наблюдениям многих лет, было всего вернее. Чем меньше размышлений – тем стремительнее и точнее удар.

– Не лезь, Федька! Талыгай! – одернул товарища сидевший на краю фуры и до того молчавший мортус. – Верши, преображенец...

– А чуме начхать – талыгай или маз. Ну, кто тут на чуму? Нам, негодьям, терять нечего, мы последние деньки догуливаем! – выкрикнул мортус Федька. – Хотя на прощанье потешу душеньку! Подходи, чего встал!

– Николаша, не смей! – Левушка попытался удержать Архарова, но отлетел в сторону.

– А ты балахон сними, биться будет сподручнее, – посоветовал Архаров.

– Сниму – а ты меня потом по харе узнаешь?

– Архаров, он же зачумленный! – Левушка, переложив фонарь в левую руку, правой кое-как выхватил шпагу.

– Ничего, Матвей меня в укусе испугает!

Началась драка.

Это был не тот известный в Европе кулачный бой, который особо чтит Англия – и навязала всему свету. Это было нечто иное – с мощными скрутами, дающими силу удару, с кулаками, бьющими сверху, с широкими замахами, с ударами хлесткими, когда в ход пускается обух кулака. И Архаров, с виду тяжеловатый и неловкий, как всегда, оказал себя быстрым и уверенным бойцом. Мортус, пропустив несколько ударов, очень скоро перешел к обороне.

– Федька, будет! – крикнули ему. – Чего ты связался?

– Ну нет! – крикнул Федька. – Меня еще никто не укладывал!

– Смуряк, – сказал, спрыгивая с телеги, кучер – высокий плечистый мортус, и подхватил длинную палку, на конце которой был железный крюк. – Отойди, баринок, я их разниму.

Но вежливость была притворной ему хотелось лишь занять выгодную позицию. Резко толкнув Левушку палкой в живот, от чего преображенец попятился и сел, мортус зацепил крюком Архарова за плечо и развернул так, что офицер попал под Федькин удар.

Он отшатнулся, резко развернув стан, но кулаком его все же задело по скуле. И тут же мортус замахнулся своим дрыном на Федьку:

– Стрема! Ухляем! Не то тут и останешься!

– Стой! Стой! – закричал, вскочив, Левушка. Но третий из мортусов, спрыгнув с фуры, пошел на него, растопырив руки и шутовски приплясывая.

– А вот обнимемся, а вот приголублю! – глумливо выкрикивал он тонким, истинно бабьим голосом. – Что, сударик, не любишь чумы? А вот она я, красавица чума!

Левушка попятился.

Трое мортусов сошлись вместе – одинаковые в своих масках и балахонах, и понять, который Федька, было уже невозможно.

Архаров стоял перед ними, сжав кулаки.

– Николаша, против троих – не бой! Они нас палками забьют! – закричал Левушка.

– Сам вижу! – отвечал Архаров. – Пусть убираются, чума на их дурные головы. Все равно мы подлецов уже проворонили.

И отступил на несколько шагов.

Лицо у него было – лучше близко не подходить...

– Ну хоть отпугнули, сегодня уже не сунутся, – осторожно сказал Левушка.

– Дуракам закон не писан. Пошли, Тучков... да не жмись ко мне, дурак!..

Архаров прямым, насколько это было возможно в темном и незнакомом парке, путем отправился искать Матвея.

Когда оказались во дворце, выслал Левушку вперед – задавать вопросы. Тот от архаровских предосторожностей несколько растерялся и уже сам старался держаться подальше от старшего товарища.

– Они прекрасно видели, кто там убегал, и не выдали. Стало быть, заодно, – говорил Архаров. – А есть еще и такая вероятность – это они сами и были. Долго ли накинуть балахон? И поди знай, кто там под ним угнездился...

– Вот тут, кажись, Матвей Ильич квартирует, с докторами, – сказал Левушка. Архаров постучал в дверь. И неоднократно.

– Кого надобно? – наконец осведомился сварливый голос.

– Доктора Воробьева к нам кликни, – велел Архаров.

– Спит Воробьев.

– Буди. Скажи – по графа Орлова распоряжению.

– Нехорошо, Николаша, – заметил Левушка.

– А я не соврал – граф изволил приказать мне брать в помощь, кого считаю нужным.

Дверь приоткрылась, появилась заспанная рожа Матвея.

– А-а, это ты, Архаров? Какого черта пожаловать изволил?

– Осмотри меня, Матвей, как положено. Не подцепил ли я заразы.

– Где ж ты ее, сударь, сподобился подцепить?

– Да вот вышли с Левушкой воздухом подышать, разговорец один имели...

Матвей высунулся побольше и повернулся к Левушке.

– Ну-ка, вьюнош, докладывай, как было!

– Да он с негодьями задрался, – честно признался Левушка.

– С мортусами, что ли?

– С ними.

Тут Матвей исчез, а дверь перед самым носом Архарова захлопнулась.

– Мать честная, Богородица лесная! – воскликнул Архаров. – Матвей, отворяй! Не то дверь вынесу вместе с косяками!

– Отойди, – раздался голос. – На три шага!

– Ну, отошел.

Дверь приоткрылась и появилась насаженная на палку большая мокрая тряпица.

– Бери, обтирайся! – велел Матвей. – Руки, харю, шею! Погоди! Пусть сперва Левка оботрется.

Левушка потянул носом и отшатнулся.

– Укус! Да еще какой злоедучий!

– А ты думал, я вас в розовой водице искупаю! Пойдите в уголок, разденьтесь, хоть по пояс оботритесь, идола. А до того я к вам и близко не подойду.

– Черт с тобой, – сказал Архаров. – Коли так надо...

– Могу над костром еще подвесить и в навозном дыму прокоптить, – любезно пообещал Матвей.

– Экая дрянь! – не унимался Левушка. – Теперь еще надо придумать, где переночевать. Нас с таким благоуханием Бредихин с Медведевым на порог не пустят!

– Моли Бога, чтобы одним благоуханием обошлось! – велел, чуть высунувшись, Матвей. – С другой стороны, к тебе, Николашка, теперь ни один клоп близко не сунется, не говоря уж о блохах и тараканах. И прекрасный пол недели две за версту обходить будет.

– Да я сам его первый обойду, – буркнул Архаров. – Ты только его сиятельство графа Орлова не вздумай этой дрянью поливать. Тогда государыня и вовсе его на порог не пустит.

* * *

Граф Орлов крепко вбил в свою красивую и упрямую голову, что Архаров, выследив воров, продававших на сторону полковой овес, с той же легкостью выловит убийц митрополита. Потому вызвал к себе разом его и майора Сидорова.

– Расскажи ему все, что про это дело известно, – велел майору. Сам тоже остался послушать. Но у Архарова была иная забота – ночная стычка с наглыми мортусами.

Они втроем устроились на дворцовой террасе, с видом на бивак. Графу принесли кресло, Архарову и Сидорову – стулья. Не обошлось без угощения, которое для Сидорова было тем более необходимо, что ночью он всю знакомился с гвардейцами и на радостях, что его, полицейского драгуна, приняли в такую знатную компанию, несколько перестарался.

На балюстраде между креслом и стульями стоял зеленый стеклянный штоф, рядом – чарки, тут же едва удерживалась миска с закуской – хлебом, нарезанной ломтями солониной и столь полезными с утра солеными огурцами.

Орлов только успел пригубить чарку, как тут же его отыскивали – для какого-то важного дела звал к себе Еропкин.

Граф ушел, пустое кресло осталось. Стояло на солнышке, словно грелось. И в какой-то мере заменяло собой графскую особу.

– Нет, мортусов изловить никак невозможно, – сказал майор. – Да и какой прок? Этих закатаем – кто другой найдет покойников возить? Да и сдается, не мортусы то были, балахон нацепить всякий может, зная, что к мортусу ни одна душа близко не сунется.

– Чтoб им ни дна, ни покрышки... – проворчал Архаров. – Ну, коли так, приступим к делу.

– Его сиятельство велели мне ознакомить тебя, сударь, с экстрактом злодеяния, – торжественно произнес майор. – Я не верю, что истинного виновника удастся изловить, потому что дело темное. Свидетели тут же начнут кого попало оговаривать, а проверить невозможно. И у них хватит умишка свалить убийство митрополита на тех, кто уже неделя как помер. Я этот народишко знаю, хлебом не корми – дай соврать полиции.

– Все сие я неоднократно уж слышал, – сказал на это Архаров. – Ты, сударь, сделай милость, расскажи, как эта каша заварилась. Мы-то на готовенькое приехали.

– Заварилась она не в Москве, заразу с юга завезли, и первые покойнички появились еще по весне...

– Ты мне не про заразу, ты мне про митрополита!

– Ну, ладно. Ты Всехсвятскую церковь на Кулишках знаешь?

– Где? – Архаров не поверил ушам.

– На Кулишках. Сами дивимся, откуда название.

– Вот-вот, у черта на кулишках... Продолжай.

– Там пришел к батюшке некий мастеровой и рассказал сон. Явилась-де ему Богородица и пожаловалась – ее образу, что над Варварскими воротами, тридцать лет никто свечек не ставил и молебнов не пел. Хотел-де Христос за сей грех послать на Москву каменный дождь, но матушка наша умолила его и послан был лишь чумной мор. Коли вдуматься – то и неведомо, что хуже...

– Охота была тому батюшке сны слушать... – проворчал Архаров...

– С перепугу, сударь. С перепугу и не того еще послушаешься. Опять же, к тому образу не так-то просто свечу прилепить – он высоко, над воротами. Но мастеровой в самом начале сентября обосновался у Варварских ворот и стал сон свой рассказывать, собирая при сем деньги на некую всемирную свечу, кою собирался воздвигнуть перед образом. И столько ему обыватели денег понанесли, что пришлось для тех денежек особый сундук заводить!

– Так и знал, что и тут все на деньгах замешано! – воскликнул Архаров. – Даже коли одни копейки, и то сундук денег на многие сотни рублей потянет.

– А ты вообрази себе, какова должна быть та свеча, ежели ее честно на собранные деньги отлить! С колокольною ростом, поди, станет! – майор рассмеялся негромко, словно предлагая повеселиться, но Архаров лишь покивал. А для себя сделал в голове пометочку

– мошенничеством эта затея пахнет, и преловким, должны же были найтись умные люди и прикинуть размеры неслыханной свечи...

– Ну, народ у ворот толпится, ни проехать, ни пройти, – продолжал майор. – Лестницу прислонили, к иконе лазают, тут же попы какие-то аналои поставили, молебны служат, друг друга перекрикивают – столпотворение. А чума сборища любит – там заразу проще всего подцепить. Вот покойный митрополит Амвросий и решил навести порядок, поскольку святой образ – по его ведомству. Опять же, доктора его с толку сбили – где толпа, внушили, там самый разгул заразе. Он и крестные ходы отменял, и чуть ли не святое причастие – коли всем к устам одну и ту же лжицу подносить, так от больного к здоровому чума прямо в Божьем храме перекинется...

– Разумно рассудил покойный владыка, – ничуть в тот миг не задумавшись о святости причастия, заметил Архаров.

– Многознание его и сгубило. Решил прекратить всю суету на Варварке.

– То бишь, изъять то, что смущает народ?

– Пожалуй, что так, – согласился Сидоров, – да только тут господин Еропкин маху дал, недаром теперь так убивается...

И поглядел на пустое кресло, как бы ожидая от него позволения посплетничать о начальстве.

– Со всяким может быть, – вступился за Еропкина Архаров. – А что случилось-то?

– Митрополит поехал с господином генерал-поручиком посоветоваться, так тот нашел, что убирать икону с ворот в такое смутное время небезопасно, а сундук, кой можно счесть источником заразы...

– Сундук, стало быть, можно? – удивился Архаров и тоже поглядел на пустое кресло, как бы призывая его в свидетели.

– В тот-то и беда. Господин Еропкин дал владыке солдат, дал двух подъячих, и поехали они сундук со свечными деньгами брать...

– А на что?

– Да на Воспитательный дом митрополит хотел отдать те деньги. А образ все-таки снять и в какую-либо церковь на время определить. Кабы господин Еропкин ему настрого запретил – остался бы владыка жив. Приехал в карете к Варварским воротам, вышел, стал распоряжаться. Ну, а народ не пустил, шум-гам, Богородицу грабят! Напали на солдат. Тут же кто-то до Спасских ворот добежал, там в набат ударили. Москва и без того взбаламучена, а тут еще набат... Владыка Амвросий видит – бунт, сел в карету, поехал прятаться к сенатору Собакину, тот его с перепугу не пустил. Тогда владыка уехал в Донской монастырь. А пока он разъезжал, бунтовщики в Кремль ворвались... – совсем понурившись, сообщил Сидоров.

– Говорят, Чудов монастырь разорили?

– Кто там был – едва поспрятаться успели. Народ как с цепи сорвался – знай ревет: «Караул, грабят Богородицу!» и с таковым ревом – по церквам, по кельям, из ризниц облачения выкидывают, тут же делят, на куски рвут! Чудовские погреба в аренду купцу Птицыну были отданы – так в погреба ввалились, ни капли вина там не оставили. И оттуда – к Донскому монастырю...

– А как им сделалось ведомо, что владыка – в Донском монастыре?

– Сбrehнул кто-то из монахов... с перепугу, поди... Вот всей толпой туда побежали – а не ближний свет.

Владыка Амвросий там, уже переодетый, ждал, чтобы господин Еропкин пропускной билет ему прислал и охрану – из Москвы уехать. Видит – вместо билета и охраны толпа нагрянула, спрятался в храме, так вломились, нашли, выволокли и убили. Потом их на Остоженку понесло – господина Еропкина пугать, у него новый дом на Остоженке. А господин Еропкин отправил в Донской монастырь офицера, чтобы вывезти владыку, и тут же послал

за подмогой. Ближе всех великолуцкий полк стоял, в тридцати верстах всего. Он и подоспел – человек полтора года. Господин Еропкин принял начальство и повел солдат в Кремль. Там успел застать бунтовщиков. Пробовало уговаривать – камнями закидали, вон – все еще хромотает. Тогда только приказал бить холостыми в народ.

– Нельзя холостыми, – здраво рассудил Архаров. – Коли решаешься бить – так бей, чтобы уж накрепко.

– Так и вышло – бунтовщики, увидев, что убитые не падают, как взрывают: «Мать крестная Богородица за нас!» – да и на приступ, едва пушек не отбили. Второй залп был уж картечью... Толпу от Спасских ворот на Красную площадь понесло, драгуны – за ней. Два дня была суматоха, господин генерал-поручик с коня не сходил. Теперь вроде народ притих, а тишина какая-то сомнительная, словно затаились... Вот тебе и весь экстракт.

– Розыск вели?

– По горячим следам не вышло, а теперь все тамошние, кто на Варварке живет, одно твердят – на солдат-де напали какие-то пришлые людишки, знать не знаем, ведать не ведаем.

– А сундук? – спросил Архаров.

– Что – сундук?

– Куда он подевался?

– А Бог его ведает. Солдаты, что шли его брать, побиты, подъячие исчезли, куда подевался посланный офицер – одному Богу ведомо, митрополит Амвросий принял мученическую кончину. И спросить про тот сундук некого.

– А помяни мое слово, сударь, сундук в этом деле главным свидетелем будет, – сказал Архаров. – Свеча эта всемирная – одно мошенничество. Мастеровой бы подождал, пока сундук доверху наполнится, и убрался бы с ним восвояси. Но сдается мне, в одиночку он бы это не затеял. Непременно сообщники должны быть. У кого-то же он там, возле Варварских ворот, жил? Как-то же кормился? Откуда-то же он взялся? Коли от хозяина убежал – так кто хозяин? Где-то же на ночь он тот сундук ставил? Попа того, на Кулишках, расспрашивать надо строго, дьячка, кто там еще при храме кормится? Просвирен! Что же вы?..

– Шустро ты соображаешь, сударь, – ответил недовольный майор. – Вы, преображенцы, больно высоко себя ставите. Еще бы – столица, славный полк! А вы тут за ворами погоняйтесь, на пожары ночью поездите! Учить-то легко! Не во всяком деле можно сыскать виновника, а тут еще и чума, люди прямо на глазах мрут. А вам кажется – приехали, оглянулись, пальцем ткнули – вон он, аспид, вяжите!

– Никого я не учу, чего ты разошелся? – спросил Архаров. – Просто соображения изложил.

Возможно, именно его спокойствие не понравилось майору полицейских драгун.

– Думаешь, сударь, коли его сиятельство велели тебе розыск произвести, то уж и лавровый венец пора плести? Дудки! Мы, здешние, это дело насквозь видим, оно безнадежное. Можно наловить горемык, допросить с пристрастием, так они всех соседей в душегубы произведут, лишь бы спустили с дыбы и отпустили с миром. И доказательств – никаких.

Сидоров встал.

– Да что ты, сударь, в самом деле? – Архаров был уж и сам не рад, что выказал избыток ума. – Уже и слова тебе не скажи!

– Слово слову рознь. Ежели кому выслужиться охота – на то война есть. А засим позвольте мне, сударь, откланяться. Честь имею!

С тем обиженный майор и отбыл, а Архаров, из вежливости вставший, только поклонился ему в спину.

– Вот тебе и экстракт... – пробормотал он.

Майор сообщил чистую правду – вернее, ту часть правды, что была ему известна. Можно было, конечно, сразу уловить на его лице зарождение обиды, но Архаров полагал,

что сейчас главное – выполнить распоряжение графа Орлова и начать плодотворный розыск, а не сводить извечные счеты между Москвой и Санкт-Петербургом. Потому и не придавал значения двум-трем нехорошим взглядам – полагал, что майор обязан со своим раздражением справиться, и непременно справится.

Не вышло. Впредь – наука.

И, верно, следовало бы перед беседой узнать, каким именем крестили Сидорова. Коли по нраву судить – так Антиох, что значит «супротивный». Занятно будет, коли так и есть.

А Амвросий – «бессмертный». И точно – вел себя так, как будто смерть не про него писана. Все совпадает.

* * *

Матвея Архаров с Левушкой тем же утром отыскивали в парке – тот ходил по аллее, уткнув нос в разлохмаченную тетрадку, бубнил непонятные слова. Приятели пристроились справа и слева, но разговора что-то не получалось.

– И без того вымотался, – пожаловался Матвей, – а тут еще ты с сундуками пристал! Вот видишь?

– Ну, тетрадка, – сказал Архаров. – Тучков, взгляни, что там у него.

Но доктор тетрадки не отдал.

– За ночь велено прочесть и заучить, – уныло сообщил он. – Писание доктора Данилы Самойловича, у него не один трактат чуме посвящен. Мы в его распоряжение поступаем.

– А чего пишет? – осведомился Левушка.

– Первым делом обнадеживает. Вот, спервоначалу: «Чума есть болезнь прилипчивая, но удобно обуздаемая и пресекаемая, и потому не должна быть для рода человеческого столь опасною, как обычно ее изображают».

– В своем ли он уме? – спросил Архаров.

– Боюсь, что башкой все же скорбен – дабы доказать, что окуривание спасает, нарочно надевал одежду, снятую с чумных покойников, после того окуривания. Я бы не сумел...

Левушка и Архаров переглянулись.

– Еще чего? – задал вопрос Левушка.

– Извольте радоваться – сильно рекомендует в качестве лечебного средства растирание льдом.

– О Господи! – воскликнул Левушка. – Где ж вам теперь льда взять? Да еще столько?

– Разве что чума до морозов продержится, – предположил Архаров.

– Не продержится, она от холодов на убыль пойдет. Должна пойти, – поправился Матвей. – Но это все цветочки. Я уж до ягодок докопался. Вот. Чума, он полагает, происходит не от болезнетворных миазмов, а от некого живого существа, видного лишь в очень сильное увеличительное стекло. Всю жизнь была от миазмов! А у него...

Матвей полез в карман кафтана и извлек еще одну тетрадку.

– Не трожь! – запретил Левушке. – Я-то с укусом руки мою, а тебя к рукомынику дрыном не подгонишь. Называется «Примечания о мик-ро-ско-пи-ческих исследованиях о сущности яда язвенного». То есть, чумных язв. Уж что у него там под увеличительным стеклом шевелилось – одному Господу ведомо.

– На что тебе эта околесица? – наконец спросил Архаров. – Я к тебе с делом...

– То-то и оно, что не околесица! Самойлович еще в Бухаресте сию чуму, что к нам пришла, успешно лечил. И тут промеж врак много полезного. Прочитаю, заучу – мне тогда обещали труды Орреуса дать. Его недавно московским штатд-физиком государыня поставила. Тоже еще в Валахии с чумой воевал, многому учит... Вы куда?

– Недосуг нам, Матвей Ильич, – сказал, уже успев сделать два шага прочь, Левушка. – Архаров с вами посоветоваться хотел, а вы все про чуму.

– Убегаете? – этак неприятно осведомился доктор Воробьев. – Ну, бегите, бегите. Зачумленные вон тоже тем славятся, что, соскочив с постели, несутся куда попало, дороги не разбирая. Главное – такого беглеца с пьяным не перепутать. Тоже качает его бурно, и слова выкликают непонятные...

– Я тебя, Матвей, за эти твои замогильные шутки однажды так приласкаю – умаешься зубы собирать, – кажется, уже не шутя пригрозил Архаров.

– Да ну тебя! – крикнул, шарахнувшись, Воробьев. – У нас так заведено, никто не в обиде, а ты тут же с кулаками!

– Да, я таков. Мало ли что у вас, докторов заведено. А мы, вишь, люди служивые и у нас иные понятия, – почти миролюбиво сказал Архаров. – Спрячь свои тетрадки, пойдем, посидим на лавочке, пока тебя в помощь твоему Орреусу или Самойловичу не упекли. Потом-то – как знать? Может, нас и на твое отпевание не допустят, велят на паперти постоять, издали гроб проводить...

Матвей выпучил глаза на шутника, произносившего сие пророчество рассудительно, деловито, и воистину похоронным голосом.

– Ну, потолкуем, – согласился он.

На лавке уместились лишь двое, Левушка встао перед ними в позе, которую перенял у Архарова, – расставив присогнутые ноги довольно широко, как бы сидя на воздухе и упираясь кулаками в колени. Но коли у Архарова в той позе была этакая добротная основательность, худощавый и длинноногий Левушка смахивал на некое прыгучее насекомое.

Мысль о важной роли сундука в розыске убийц Матвею показалась любопытной, и он стал задавать вопросы – а Архаров лишь того от него и добивался.

Отвечая, он словно вдругорядь услышал историю бунта, однако из собственных уст. И определил в своих знаниях уязвимое место. Сидоров не описал ему подробно тех действий митрополита Амвросия у Варварских ворот, кои привели к народному возмущению. Свидетели утверждали, что баламутили народ некие пришлые людишки. Правда же была такова, что всех взбаламутил сам покойник, только непонятно – словом или делом. Говорил-то он, стоя в дверцах кареты, судя по всему, немало...

– Либо митрополит к сундуку не пробился и отступил, либо он тот сундук с деньгами в своей карете увез, – так определил главную загвоздку Архаров, а потом новорожденная мысль поволокла его за собой, как телка на веревочке: – И тогда, выходит, толпу разозлил тот, кто глаз на сундук положил! И повел ее не по следу митрополита, а по следу сундука. Вот она, веревочка!

– Хитро, но несуразно. Откуда тот подлец мог знать, куда митрополит с сундуком поскачет? А вдруг на Остоженку, а там – Еропкин с солдатами! А толпа и сама взбаламутиться горазда, – заметил Матвей. – Однако докопаться, кто был тот мастеровой, не мешает. Может, и не мошенник вовсе, а его простотой настоящий мошенник попользовался. Сооб-разил, какая польза из сонного видения про Богородицу может произойти. И за спиной у блаженненького орудовал.

– Он человек церковный, – добавил Левушка. – Придумать эту самую всемирную свечу и так правильно сбор денег устроить, что целый сундук набрался, может тот, кто этим при-вык заниматься.

– Может, и так... – Архаров задумался. – А может, и нет... бабушка надвое сказала... Охота была митрополиту с тем сундуком связываться! Мало ему было хлопот!

– Ну, пошуми, пошуми, – дозволил Матвей. – Ты только Левушке сундуками голову не забивай. У него – служба, да и у тебя, кстати, тоже. Граф Орлов, поди, уже забыл, что велел тебе искать душегубов.

– Забыл – так напомним, – буркнул Архаров.

Вот именно теперь ему вдруг захотелось исполнить графский приказ.

Хотя сперва эта затея с розыском показалась нелепой и обременительной.

Искать в городе, который стал совершенно чужим, не имея знакомств, не имея подручных, людей из толпы, которые, весьма может статься, уже лежат на чумных кладбищах...

Архаров крепко почесал в затылке.

Из косицы выскользнула черная лента, и Левушка поймал ее на лету.

– Твою прическу надобно клеем промазывать, чтобы держалась, – с неудовольствием заметил он. – А то еще слышал, будто в косу проволоку вставляют, чтобы красиво отгибалась.

– Более никуда проволоку не вставляют? – буркнул Архаров и потрогал свои букли. Они и по ощущению пальцев вида не имели, а что еще за безобразие покажет зеркало?

– Пойдем, Николаша, – сказал Левушка.

Всякий офицер, живя в казарме, умел при нужде оказать товарищу услуги волосочеса.

Архаров и Тучков вернулись во дворец и пошли в большую комнату – одну из отведенных офицерам-преображенцам. Там, они знали, есть довольно порядочное настенное зеркало, из тех, что не слишком кривят физиономию и не прогоняют по ней зыбкие волны.

– Ты, Левушка, в Москве бывал? – спросил Архаров, уже стоя перед тем зеркалом и приводя в порядок букли прически. Он накручивал их на палец и укладывал симметрично, хотя и без особого успеха. В это время Левушка плел ему косу.

– А ты куда собрался? – полюбопытствовал Левушка, прилаживая черный бант.

– Да к черту на кулишки.

– Так мы уж прибыли, – заметил случившийся рядом Бредихин.

– К Варварским воротам съездить хочу, поставить свечку Богородице, – объяснил Архаров.

– Вот прямо так в мундире? – удивился Бредихин. – Ну, ты, брат, недалеко уедешь. Камнями с коня ссадят, кольями добьют.

– Сидоров сказывал, вроде сейчас тихо, – возразил Медведев.

– Тихо-то тихо, а огонек тлеет, не след его раздувать.

Бредихин был прав – Архаров как раз и ценил в нем рассудительность.

– Надо простой кафтан поискать, Николаша. Можно у Матвея взять, – посоветовал Левушка.

– Мне Матвеев кафтан длинноват, а ты в него трижды завернешься. Чего вылупился? Ты разве со мной не поедешь? – удивился Архаров.

– Побойся Бога, Архаров! – воскликнул Бредихин. – Ну, ты графскую блажь исполняешь, это понятно, а младенца-то чего за собой тащишь? Тебе непременно нужно, чтобы он сразу подцепил?

– А укус на что? – спросил Архаров. – Меня Матвей научил, я его в укусе искупаю!

– Не ходи, Тучков, – сказал Левушке Бредихин. – Мало того, что в Москве оказался? Ты у матери один сын. Не дури. Коли нужно, я за тебя пойду.

Левушка посмотрел на него – и выскочил из помещения.

Архаров невольно усмехнулся – пожалуй, Бредихину и впрямь пора заводить своих младенцев.

Сам он решил с этим делом погодить лет до сорока, до сорока пяти – словом, до отставки.

Левушка пронесся вихрем по всему Головинскому дворцу и отыскал Афанасия Федорова. Старый смотритель с гордостью сказал, что в его чуланах и кладовых, поди, и горностаевая мантия сыщется. Пошли смотреть.

Откопали два кафтана старомодных, уж таких древних, будто их с прочими военными трофеями шведской войны сюда еще в сорок втором году фельдмаршал Ласси привез. Федоров подумал и послал кого-то из служителей в Немецкую слободу к знакомцу.

Через час два более или менее сносных кафтана, синий и коричневый, у Архарова с Левушкой были. Левушкин закололи булавками, но он был коротковат. Архаровский же не застегивался на пузе, но погода днем позволяла ходить вольготно. Тем не менее дядя Афанасий вздумал перешить пуговицы.

Архаров тем временем объявил преображенцам, что нуждается в деньгах, да не в обычных, а в редкостных.

В России на ту пору разнообразие денег было велико, попадались и совсем неожиданные монеты, которые спервоначалу могли быть приняты за фальшивые – коли покупатель и продавец не знали их истории. Архарову требовалась определенная монета – елизаветинский рубль с забавной оплошностью. Они встречались, хотя и нечасто.

Он объявил о своей нужде по всей орловской экспедиции – и те, кто не сопровождал графа в его первой поездке по Москве, тут же с бодростью отозвались. Все уже прознали о странном поручении Архарову, и всем было любопытно – что этот господин затеял.

Левушка, занятый кафтанами, за этой архаровской деятельностью не уследил.

Она обнаружилась, когда семеновец Лестев, уже вставив было ногу в стремя, окликнул его и просил передать Архарову сыскавшуюся монету – рублевик с профилем покойной государыни Елизаветы Петровны. Пожалуй, что из всех имевших хождение серебряных рублей этот был самый крупный.

Приятель уже ждал Левушку с нетерпением – требовалось записать, кому он должен за сыскавшиеся рубли.

Насчет одной монеты, принесенной от конногвардейцев, он засомневался – больно оказалась стертой.

– Возьми, у тебя глаз острее, – Архаров передал монету Левушке.

– Санкт-петербургского монетного двора, – прочитал Левушка надпись на гурте.

– Так, а тут? – Архаров показал ногтем.

– Мыслете-мыслете-добро... Ага, вензель московского денежного двора... Это как же?

– Молод, зелен, – заметил Медведев. – Тебе и невдомек, что денежка-то крамольная.

– Никшни. И теперь-то про такие дела лучше не болтать, – одернул его Бредихин.

– Я же говорил, что такие рублевики еще сыщутся, – сказал Архаров. – Редко, но попадают.

– А с чего такая путаница? – спросил Левушка. – Надпись – одна, а вензель – иной?

– Теперь уже никто не вспомнит, – отвечал Бредихин. – Вроде бы при государыне Елизавете перечеканивали монеты из заготовок, сделанных при государе Иванушке, царствие ему небесное. Возили их с одного монетного двора на другой. И не уследили.

– Каком государе? – не понял Левушка.

Старшие офицеры переглянулись.

Медведев и сам не знал, о ком речь. Архаров не интересовался древней историей. Он начал службу при покойной государыне Елизавете Петровне, а что было до того – как бы и вовсе не было. Он только знал, что промелькнуло некое дитя, не имевшее права на престол, но тем не менее претендовавшее, и по милосердию Елизаветы Петровны было устранено от двора, поселено в тихой местности под надзором. И из-за дитяти случилось много времени спустя происшествие с господином Мировичем, взявшимся с чего-то его освобождать.

Бредихин же, самый старший, знал, что не все так просто. Знал он, что дитя, Иванушка, было объявлено наследником российского престола самой государыней Анной Иоанновной, и было оно доподлинно романовского семени – через государя Ивана Алексеевича, что был старшим братом великому Петру Алексеевичу, только от другой жены. И замешался в это

дело давний спор о законности государевых наследников. Иванушка был рожден в результате череды законных браков – и мать его, и бабка, и прабабка сперва венчались, потом детей заводили. А Елизавета Петровна была лишь признана отцом – родилась она еще до того, как Петр повенчался на «сердечненьком дружке» Катериனுшке. Так что ее воцарение многие сочли в свое время противозаконным – кабы не гвардия, помирать бы ей в цесаревнах, может статься – и постриг принимать, но гвардейцы, преображенцы (о чем даже Архаров знал), на своих плечах вознесли ее к престолу. Только два месяца и успело поцарствовать бедное дитя, государь Иванушка.

– Забылось дело, и слава Богу, – сказал Бредихин. – Вот кабы ты десять лет назад такой вопросец задал, тут же бы нашлась добрая душа, крикнула бы «слово и дело!» Тогда о нем всякую память вытравили, монеты с личиком изымали. Теперь лишь государыня, дай ей Боже здоровья, позволила частично правду сказать.

– На кой ему та правда? – вступился за Левушку Архаров. – Я вон без этих правд до капитан-поручика дослужился. Есть у нас государыня – и ладно, а что было тридцать лет назад – не все ли равно?

– Ты не знаешь, что ли? – спросил Бредихин.

– Не знаю и знать не желаю. Кабы не монета – не вспомнил бы. Раньше их больше попадалось, теперь вот на всю бригаду хорошо коли штуки четыре сыщем... Тучков, дай-ка перочинный нож, – велел Архаров.

– Эй, Архаров, ты что это затеял? – воскликнул Артамон Медведев.

Архаров положил монету на подоконник и острием ножа старательно сковыривал хвост двуглавному орлу...

– Вот и пометил, – сказал он. – Давай вторую, Тучков.

– Кафтаны вот, как велено, – напомнил о себе Федоров. – Получайте, сударики мои. Да более к негодьям не суйтесь. Залапают ручищами – тогда кафтаны пожечь придется.

Архаров насторожился – доподлинно знать этого дядя Афанасий не мог. И тут же обозначилась связь между ним и теми людьми, что убегали от Архарова и Левушки.

Но лицо старого смотрителя не отражало угнездившейся в душе лжи. И Архаров сообразил, что старый смотритель своими глазами видел, как он задрался ночью с мортусом. И ничего удивительного: дядя Афанасий, зная все здешние тропинки, мог выйти на дорогу кратчайшим путем, а поле боя освещалось фонарем на шесте, торчащем у облучка фуры, и другим – в руке у Левушки.

Поехали на трех лошадях – Архаров, Левушка и архаровский денщик Фомка. На Солянке спешили. Фомка с двумя лошадьми в поводу направился к Яузе, обещавшись встать с ними так, чтоб видеть, когда господа вернутся на условленное место.

Архаров и Левушка, одетые весьма скромно, пошли к Варварским воротам. По дороге Архаров растолковывал приятелю свой замысел.

– А ты сам рассуди, Тучков, рублевик – деньги немалые, но ведь тот, кто кашу со всемирной свечой заварил, копеек не считает. У него их полон сундук. Стало быть, на наши рубли он не корочку черного хлеба себе купит, а, скорее всего, понесет их в кабак или к девкам.

– Какие девки, Николаша, чума ведь? – изумился Левушка.

– А ты вон у Матвея спроси, он тебе растолкует, есть хвороба чума и есть хвороба нестоячка. Так это доподлинно разные хворобы, Тучков, и ты их впредь не путай, – с совершенно серьезной миной сказал Архаров. – Стыдно в твои годы таких простых вещей не разуметь. Девки были, есть и будут везде и всегда.

* * *

Мортусы – те самые, с которыми задрался сгоряча Архаров, – меж тем неторопливо ехали на своей фуре пустынной улицей. Разве что собаки лаяли на них из-за заборов. Они высматривали ворота и дома с намалеванными красными крестами, что означало – осторожно, зачумленные.

Разнявший схватку мортус, по имени Тимофей, на сей раз правил лошадьми. И, задумавшись, едва не проехал распахнутых ворот.

– Стой, Тимоша, нам сюда. Тут уж точно чума погуляла, – сказал его товарищ, а был это забияка Федька. Он первым соскочил с фуры, прихватив крюк, и вошел во двор. Там он постучал крюком возле высокого окна.

– Эй, есть кто живой?

Живые не отозвались.

– Пошли, братцы, добычу выгребать, – с тем Федька, перекрестясь, шагнул на ведущую к крыльцу лестницу.

Он поднялся в верхнее жилье, вошел в горницу, перекрестился вдругорядь – на образа. И пошел дальше, в спальню, где и обнаружил на постели искомое мертвое тело. Даже не понять, мужское ли, женское ли – багровая страшная искаженная рожа...

Зацепив крюком, Федька сволок тело с постели и потащил, пятясь, к лестнице.

Мортусы, сколько могли, не прикасались к тем, кого промеж собой звали «голубчиками» и еще всяко, руками, а при помощи крюков, и крюками же наловчились попарно закидывать на фуру. Иной «голубчик» вторую неделю полеживал на смертном одре – пока мортусы, на время бунта отстраненные от своих обязанностей и получившие временную передышку, его находили. Чего ж об него без лишней нужды казенные рукавицы марать?

На лестнице Федька остановился, прислушиваясь. Дернул крюк, высвободил – и скользнул в полуоткрытую дверь.

Там тоже была горница, в которой, возможно, жили девки и копили себе приданое. Расписанный красно-синими фигурами дам и кавалеров сундук был раскрыт, а в нем, нагнувшись, копалась женщина и кидала сложенные рубахи, полотенца и простыни в мешок.

– Вот же старая дура! – воскликнул Федька. – Бросай мешок, смура, пошла вон!

Женщина повернулась – оказалось, это была высокая и костлявая старуха, одетая в крашенинный синий сарафан и поверх него в дорожную, явно из богатого купеческого дома, парчовую душегрею.

– Да что ты, батька мой! Мое это добро, я здешняя ключница! – тут же отбрехала она. – Пошел вон! Здесь все живые, здоровые!

– Будет врать! Бросай, говорю, не то последние зубы вышибу. Оно ж зачумленное, это добро, его вместе с домом жечь будут. Пошла, пошла! Ключница!

Он замахнулся крюком – и старуха, отскочив, прижалась к стенке.

– Проползай, дура. Кыш! Мешок оставь!

– Да мой же мешок, и пожитки мои! Не трожь, блядин сын, не трожь, говорю!

– Твои, как же!

Федька ударил старуху крюком по рукам, и она с криком выронила уже стянутый было веревкой мешок. Тут же Федька ловко подцепил его и отбросил в сторону.

– Вот такие дуры по всей Москве чуму и разнесли! Пошла, ну?

И пинком проводил старуху к лестнице.

Там она оказала неожиданную резвость и сбежала по ступеням, как молоденькая. Федька услышал во дворе бодрое улюлюканье – мортусы гнали старуху прочь, потешаясь и грозя ей всякими безобразиями. Федька вновь зацепил труп и потащил его по ступенькам.

Внизу, во дворе, его товарищи уже грузили на телегу заведомо мужской труп – в штанах и камзоле.

– Не поверишь – в курятнике нашли, – сказал Федьке мортус Демка, который крепко перепугал Левушку своим скоморошеством. – Вот эта самая, будь она неладна, последняя чумная дурь куда только не заносит горемык.

Еще неведомо, куды нас с тобой занесет, Демка. Во! Гляди!

Во двор вошла лошадь – расседланная, в одном недоуздке.

– Как будто слышал Господь мои молитвы, – сказал Тимофей. – Наш Воронко уже еле ноги таскает. Федька, лови, привязывай к задку. Не бойсь, хозяин не сыщется.

Федька пошел к лошади, шаря одновременно на себе под балахоном. И добыл кусок хлеба, и протянул его на ладони.

Лошадь взяла хлеб и попыталась ухватить край рукава.

– А вот этого, матушка, не надо. Хотя вас, скотов, Господь от чумы и милует, а все же поберегись, – с тем Федька взял лошадь за недоуздок и повел к телеге.

– Вот бы уцелеть, – сказал Тимофей. – Бросил бы Москву к чертовой бабушке, поехал бы жить в Тверь. Жену бы отыскал, туда привез, ребятишек, новых бы завели. А ты, Федя?

– Так тебя и пустили в Тверь. Уцелеем – прямая дорога нам в Сибирь. Да еще рожу клеймами изуродуют.

Оба они были тверские – потому, когда завербовались в мортусы, и держались вместе.

– А могли бы и простить, – деловито рассудил Тимофей. – Разве мы своей вины этим вот трудом не искупили?

– Вспомнить про нас побрезгают, не то что простить, – отрубил Федька. – Как были мы до чумы каторжные, так и после нее останемся. Хоть пока чума, с чистыми рожами походим.

Всем троим полагалось бы уже носить на лбу и на щеках клеймо, разбитое на буквы слово «ВОР», две буковки на щеках, одна – на лбу, но чума помешала свершиться правосудию.

– Да-а... – согласился Тимофей. – Одна из дворян добрая душа нашлась – не побрезговала... кулачком к твоей харе приложиться...

– Кому рассказать, что преображенец мортусу морду начистил – не поверят! Хоть побожись! – воскликнул Демка.

– Ну, значит, и среди этого вражьего племени совсем бесшабашные попадают, – без обиды на подначки отвечал Федька. – Вроде того талыгая. Поехали, братцы, солнце уже высоко, а у нас только четыре голубчика на фуре.

– Вы поглядывайте, нет ли где хлева с сеновалом, – сказал сотоварищам Тимофей. – Уж коли разжились скотинкой, так ее бы покормить не мешало.

Федька покидал на «голубчиков» рогожи и сел на облучок.

– Вон тот домишко мне не нравится, – сказал он. – Он мне и третьего дня не нравился.

– Крестом не помечен, – возразил Демка.

– Мало ли что не помечен. Есть такие смуряки охловатые, что больных прячут, не выдают.

– А поди знай, не умнее ли больного спрятать, – задумчиво сказал Тимофей. – Сказывали, в бараках не больно глядят, жив человек или помер. Впал в беспамятство – выходит, не жилец, и тут же его хоронить тащат.

– Когда в беспамятстве, и точно покойника от живого отличить трудно, – согласился Демка. – А я знаю, кто тебе такое сказал. Это ты, когда бараки отбивали, наслушался. Потому народ и поднялся, что врачам-немцам веры нет – живьем-де в землю зарывают.

– Вот за бараки нас уж точно должны были бы простить, – заявил Тимофей. – Мы ведь их от фабричных защищали, не дали врачей загубить.

– Эх... – только и ответил на это Федька. – И фабричных жалко...

– И докторов жалко... – в тон ему добавил Демка.

– Докторов государыня кормит-поит, а фабричным уж пришло с голоду помирать, – возразил Федька. – Как заводы закрыли. На кирпичных сколько народу-то!

– То-то ты их жалеть вздумал.

– А ты, что ль, не пожалел?

– Ладно, будет, – пресек ленивый спор Тимофей, как старший на фуре. – Фабричные о себе позаботятся. В выморочных домах много чего остается – и мука, и крупы. В подвалах – соленья всякие, опять же – огороды, морковка, репа... Коли не слоняться по городу с кольями, а тихонько по огородам шарить – и то продержаться можно. Черт ли их гнал бараки крушить...

Подозрительный домишко оказался просто-напросто заперт – видать, хозяева успели вовремя удрать из Москвы. В соседнем нашли помирающего деда. Дед хрипел – просил воды.

Для такой надобности у мортусов лежали на фуре обгорелые палки и имелся деревянный ковш. Его привязали к палке, добыли в колодце воды и сунули в окно.

– Подождать, что ли? – преспокойно спросил Демка.

– Он еще в себе. Вот как впадет в беспамятство – значит, уже одной ногой в могиле, – возразил Тимофей.

– А помнишь ту тетку в Сыромятнической? До последней минуты в себе была. Раз на раз не приходится, – сказал Демка.

Решили обследовать близлежащие дома – и там обрели довольно «голубчиков», чтобы, забыв про обреченного деда, нагрузить их на фуру и везти на кладбище.

Чумные кладбища были при тех же монастырях, где чумные больницы и бараки – при Донском, Симоновском и Даниловском. Ближе прочих был Симоновский – и то ехать да ехать.

Мортусы и поехали. Дорога доставляла удовольствие – с утра было прохладно, однако день разгулялся, оказался солнечным, хотя и ветреным. Не все деревья разом принялись желтеть и терять листву, иные так и стояли зелеными. И коли поглядеть на такое дерево и на небо, то можно было даже вообразить, что лето длится, а зимы не будет вовсе.

Впрочем, для этого мортусам не требовалось большого воображения – они знали, что вряд ли доживут до зимы.

Избавившись от «голубчиков», они получили приказание ехать к некому дому на Маросейке, про который стало известно: там люди, не намалевав на воротак красного креста, прятались со своими больными до последнего, пока все не перемерли, и только неразумное малое дитя, выбравшись, рассказало про беду.

Приехали – оказалось, что то же приказание до них получила иная фура, дом стоял пуст, ворота нараспашку.

Тогда вспомнили, что не грех бы и перекусить.

Кормежка у них была налажена там же, где жили – а жили в нарочно для того кое-как построенных домах, без печей, одни стены и крыша. Очевидно, строитель полагал, что до зимы чума сама собой сгинет, и немногих уцелевших мортусов можно будет возвращать в тюрьмы.

Они избегали ездить главными московскими улицами, однако на сей раз предпочли прямую дорогу – через Варварскую площадь. За Варварскими воротами следовало сворачивать направо.

И площадь, и пространство у ворот были пустынные, коли не считать неизбежных нищих.

Там-то Демка и увидел занятную парочку – долговязого парня в синем кафтане, который был ему короток – лишь чуть длиннее камзола, и плотного коренастого мужчину в коричневом кафтане, который, наоборот, был длиннее положенного.

– Федя, глянь-ка! – сказал он, – Сдается мне, я эти два рыла уже где-то встречал. Особливо того, долговязого... Тимоша, ну-ка, стегни лошадок, нагоним...

Фура нагнала и обогнала двух пешеходов. Сомнений не было – мортусы повстречали ночного драчуна с его юным товарищем.

– Знакомый вертопрах, – согласился, обернувшись и сквозь прорези колпака взглядев-шись в лицо, Тимофей. – Только ночью-то на нем мундирчик был. А вон тот, выходит, твой приятель, Федя... талыгайко...

– Шли б такие приятели к монаху на хрен, – пожелал Федька. – И чего шатаются? Заразу подцепить норовят?

– Нам с тобой барских затей не понять, – успокоил его Тимофей.

* * *

Варварские ворота Архаров и Левушка увидели издали.

– Так вон там, что ли, образ висел? – спросил, указуя перстом вверх, Левушка.

– Так он, поди, по сей день там висит. Кабы убрали – Сидоров бы сказал. А народу, гляжу, не густо, – отвечал Архаров.

Перед ними была широкая и высокая арка ворот, слева от которых торчала приземистая безверхая башня. Над аркой, в нише, и впрямь виднелось что-то вроде образа и даже стояла прислоненная лестница.

– Ги-ись! – негромкий этот оклик заставил их обернуться и быстренько уступить дорогу фуру мортусов.

– Где же тут мастеровой с сундуком сидел? – заинтересовался Левушка. – У башни, что ли?

– Там, где народ не стопчет. Статочно, что и у башни... – Архаров вертел головой, изучал местность – и местность эта была унылая, какая-то заброшенная и запущенная, сплошь деревянные домишки да немощные улицы. Хотя он знал, что тут, в Зарядье, стояло и немало богатых особняков.

– Вон там! – сообразил Левушка. – Видишь, Николаша, где нищие? Там он сидел!

– Надо же, чума, город на осадном положении, людям самим жрать нечего, а кто-то ведь им подает, – удивился Архаров. – Ты прав, пойдем с ними потолкуем. Толковать буду я, ты стой поодаль.

Они подошли к нищим, сидящим у основания Варварской башни. Но по дороге еще раз услышали «Ги-ись!» и пропустили еще одну фуру.

– Вот кто нам нужен, – Архаров показал на безногого старика, сидящего в деревянной тележке. На старике был грязный зеленый пехотный мундир – надо думать, времен государыни Анны. И стояли по обе стороны тележки два чурбачка с рукоятками – вроде утюгов. Ими он пользовался, отталкиваясь от земли, когда ехал.

Архарова эти чурбачки заинтересовали – он подошел поближе, чтобы их разглядеть. Таким образом, и выбор был сделан – к кому обращаться.

– Помолись за мою душу грешную, – сказал Архаров старику, бросая ему на колени монетку. – Что это тут негодяи разъездились? Вторая уж фура.

– Спаси Господи. А стоянка у них, сударь, неподалеку, на бастионе, – объяснил старик. – И домишко ихний тут же. Нам и хорошо, они хоть и негодяи, а хлебом делятся.

– Что за бастион? – удивился Архаров.

– Земляной бастион, еще при царе Петре строен. Шведов, что ли, в Москве ждали. А может, и турку.

– То есть, толком не знаешь?

– Про свои баталии все тебе расскажу, я с фельдмаршалом Минихом в Крым ходил, я Очаков брал. Нас из Очакова точно такая же чума выжила, не чаяли, как и уцелеем.

– А ног где лишился?

– А когда со шведами воевали.

– Так при тебе, выходит, бастион поставили? Или ты, дядя, не приметил?

– Так я же тебе, сударь, рассказываю – задолго до того! При царе Петре, поди! – возмутился калека.

– Николаша, не кипятись, это древняя история! – вмешался Левушка и тоже бросил старику монетку.

– А не было ли тебя тут, дядя, когда митрополит за сундуком денег приезжал? – спросил Архаров.

– Как не быть! Только я не здесь, я вон там сидел.

– И видел, как на митрополита напали?

– Да как же я мог видеть, коли толпа собралась – в тыщу человек! Наша братия только ноги и разглядела.

– А что, правда ли, что сундук был полон медяков? – продолжал Архаров.

– Какие медяки? Туда и серебро на свечу кидали, и бабы серьги из ушей вынимали, кидали, и перстеньки, сам видал.

– А велик ли был сундук?

– Даже и не сундук, это люди ввали. Так, укладочка... – старик обвел руками контуры воображаемого сундучка. – Митьке говорили – возьми поменьше, скорее наберется. Он же обет дал – набрать сундук денег на свечу. Богородица ему так во сне велела, чтобы поставить всемирную свечу и мор прекратить. А малый-то сундучишко скорее соберется...

– Митькой, выходит, звали?

– А чего ты, сударь, докапываешься? – вдруг сообразил спросить старик. – На что тебе Митька сдался?

– Да я тоже хотел на свечу пожертвовать, – и Архаров показал меченую монету. – Нарочно для того от Никитской пришел. Знать бы, где тот Митька с сундуком! Мы-то думали – суэта кончилась, и опять он тут сидит. Приходим – а его и нет.

– Так и мы думали – отобьет его народ у солдат, и соберет он свой сундук денег на всемирную свечу.

– Солдаты его, выходит, забрали? – удивился Архаров. Ничего подобного Сидоров не рассказывал. Опять же – коли бы загадочный мастеровой был схвачен и сидел в надежном месте – полицейские драгуны могли умолчать об этом из одной вредности, чтобы столичным гвардейцам служба медом не казалась...

– Может, и забрали, а только после того он уж не появлялся. А может, и чума прибрала.

– Вместе с сундуком? – не унимался Архаров, а Левушка, забеспокоившись, обернулся – не слышит ли кто лишний этих назойливых вопросов.

Нищий пожал плечами.

– Вам у Всехсвятской церкви лучше скажут, – пообещал он. – Там батюшка, коли еще жив, про Митьку много чего знал. А то еще дьячок, Петров Устин, он с Митькой дружбу водил.

– Дай тебе Боже здоровья, дядя, – сказал Архаров. И, отходя, заметил Левушке:

– Помяни мое слово, дьячок много чего про сундук поведает.

– Это он Митьку научил, как деньги собирать! – догадался Левушка. – Неспроста же – сперва со здешним дьячком задружился, а потом именно про здешний образ ему Богородица во сне толковала!

– Не вопи, люди сбегутся.

Они прошли по Варварке и свернули к храму. Еще одна фура мортусов обогнала их. Три фигуры в балахонах обернулись, перемолвились словом, глядя на переодетых офицеров.

– Раскланяйся, Левушка, – велел приметливый Архаров. – Вон, вон – наши знакомцы!

– А как ты их признал? Все же одинаковы!

– А чего такого – это они нас первые признали.

Архаров огляделся и увидел, что к церкви поспешает бабка, а из дверей, напротив, выходит степенный, на старинный манер благообразный мужчина и, обернувшись, трижды крестится на наддверный образ.

Архаров прищурился – мужчина его заинтересовал. Но, быстро подойдя к церковным дверям, обратился он к старухе.

– Бог в помощь, бабушка!

– И тебе, сынок, и тебе, – глядя на него по-птичьи, боком, отвечала старуха. И отошла – чума приучила общительных москвичей к осторожности.

– Ты, я гляжу, здешняя?

– А тут, в Зарядье, живу.

Благообразный мужчина в длинном кафтане на купеческий лад, застегнутом не на пуговицы, а на серебряные лапки, неторопливо подошел к нищим и оделил их полушками. Тоже держался от убогих подальше.

– И здешнего прихода? – продолжал Архаров.

– Здешнего.

– А тогда скажи, сделай милость, как мне дьячка Устина Петрова сыскать.

– А на что тебе?

– А по своему делу.

Старуха задумалась.

– А сказывали... – начала было она, но тут вмешался мужчина.

– Помер Петров, царствие ему небесное, – сообщил он.

Левушку, в силу его музыкальности, позабавило сочетание дородной стати внезапного собеседника с бойким пронзительным тенорком, почему-то обычным для московского торгового люда. Архаров тоже отметил этот голос, переливчатый, выразительный, сейчас в нем прямо-таки звенела скорбь.

– Как это помер! Не мог помереть! – возмутился Архаров.

– А как ныне все мрут? Мор – одно слово. Вчера еще бегал, сегодня в беспмятстве лежит, а завтра и хоронить волокут, – растолковал мужчина.

– Да ты что, сударик? – растерялась старуха. – Не помирал он! Кабы помер, я бы слышала...

– Да от кого теперь слыхать? Некому и слухи переносить стало, все на тот свет отправились. А какое тебе, сударь, дело до Устина?

– Да есть дельце, – уклончиво отвечал Архаров. – Должен я ему остался. Как тетка померла – звали Псалтырь читать у гроба. Все никак не мог должок вернуть...

– Теперь разве что панихиду по нем на те деньги заказывать...

– Да не помирал же, – вмешалась старуха. – Он от меня через два дома живет, так там красного креста над воротами еще не намалевали! Стало быть, и язвы в доме нет.

– Сегодня нет, а завтра есть, – не унимался мужчина. – Ты уж мне, сударь, поверь.

– Да как не поверить... – Архаров тяжело вздохнул. – Ну, недосуг мне. Ты ведь, сударь, этого прихода? Сделай божеское дело – вот тебе рублевик, отдай в церковь на помин Устиновой души.

– Это дело, – согласился мужчина и достал из кармана влажную тряпицу – тут же всем в нос шибануло уксусом.

– Мне бы, батюшка мой, дал! – возмутилась старуха, меж тем как Архаров передавал мужчине в расстеленную на ладони тряпицу меченый рубль. Левушка было кинулся наперерез, но был отодвинут.

– А тебе зачем? Ты ж твердишь, что жив Устин!

– Так я бы за здравие помолилась...

– Ступай, ступай, старая трещотка! – прикрикнул на нее мужчина. – Молодых парней чума не милует, а тебя, вишь, все стороной обходит! А на рубль я и сорокоуст закажу, и панихидку, и на обновление храма останется.

Он начал костерить старуху на высоких тонах, а к концу своей речи опускал голос все ниже и ниже, слова выпевал все медленнее, сообразно словам, и Левушка вдруг подумал, что неплохо бы когда-нибудь этот купецкий говорок записать нотами.

– Бог тебе в помощь, – с тем Архаров отошел и увлек за собой Левушку. Они неторопливо пошли к Варварке.

– Ты спятил, Николаша, ей-Богу, спятил, – зашептал Левушка. – А ну как этот дядька заразный? А ты его трогал!

– Нет, Левушка, такого жоха и чума не возьмет, такие долго живут, – задумчиво сказал Архаров. – Какого беса он нам врал про дьячка? Он в этом деле с сундуком, стало быть, как-то замешан...

– Так ты ему меченый рубль дал? – наконец-то догадался Левушка. – Ох, мать честная, и что же теперь из всего из этого выйдет?

– Понятия не имею. Встанем тут, отсюда увидим, как бабка из храма выходит. Вот бабка – та не врунья...

– Так ты же не просто так рубль дал! Отродясь ты деньгами не швырялся! Что он такого сказал, чего я не уразумел? – Левушка, поняв, что его умственные способности оказались под сомнением, сильно разволновался.

– Соврал он. А кабы я знал, что иное бы предпринять, то и не швырялся бы. А тут вижу – врет и не краснеет, стало быть, сие может оказаться зацепочкой... А может оказаться и бесполезным мотовством. Я не сыщик, Тучков, я их ухваткам не обучен, орудую в меру своего разума. Что-то из этого непременно получится и где-то меченый рублевик, помани мое слово, вынырнет... Не может быть, чтобы он всего лишь из любви к вранью нам про дьячка врал. Стало быть, для чего-то ему надобно, чтобы дьячка мертвым сочли.

И тут к Архарову и Левушке подошел парень, весь увешанный разнообразным имуществом. Лет ему было не более двадцати пяти, высок, узкоплеч, сутуловат, как положено разносчику, светлорус, из той особой породы российских губошлепов, у которых главное, что запоминается при знакомстве, – большой приоткрытый сочный рот. На голове у него были нахлобучены две треуголки, через плечо висело на веревочках несколько пар сапог, еще какое-то тряпье переброшено через руку – так что даже не разглядеть, во что одет. Также имелся лоток, словно у торговки пирогами, накрытый тряпицей.

– Для хороших господ есть товарец первого разбора, – сказал парень и приподнял тряпицу. – Табакерки с патретами, табакерки костяные, лубяные, резные, всякие. Сударушке подарить, самому табачком побаловаться, я и табак держу... Недорого отдам, право! Голод такой настает, что не до прибытку – за свою цену бы продать да поесть...

Архаров склонился над лотком.

– А что, перстеньков с сережками нет ли?

– Ты полагаешь, Николаша?.. – начал было Левушка, но Архаров так на него посмотрел – пришлось заткнуться.

– А как не быть, в карманах и не то найдется...

– А покажи, – велел Архаров.

– А вот, полюбуйся, господин хороший... – парень протянул на ладони побрякушки. – Сережки с яхонтами лазоревыми, сережки висячие, сережки жемчужные...

– Дороги, поди, а мне для девки, обещал, – сказал Архаров, уже доставая из левого кармана кошелек. – Девка простая, ей такое надобно, что здешние мещанки носят.

– Так и у меня – не графские перстеньки! Эй, эй!

Но поздно было вопить – на торговца налетел мортус со своим дрыном и так решительно ткнул парня, что поверг наземь, и весь его товар разлетелся.

– Вот ведь змей! – воскликнул он и сердито обратился к Архарову: – Из ума ты, что ли, выжил? Сейчас на улице с рук покупать – чуму брать!

– Ах ты сука! – крикнул торговец. – Мало вам, каторжным, плетей-то дают!

– Поговори мне! – Федька поддел крюком свалившуюся с головы продавца лишнюю треуголку и отшвырнул ее подальше. – Видит, сволочь, что вы нездешние! Свои-то не дураки – товар у него брать! Все это – из выморочных домов, зачумленное. Наденешь такую шапочку – а через три дня в ней на тот свет пойдешь красоваться, дурак дураком!

– Спаси и сохрани! – Левушка истово перекрестился.

– Вперед будь умнее, – сказал Федька Архарову и направился было обратно к фуре, но Архаров заступил ему дорогу.

– Пожалел, выходит, дурака? – прищурившись, спросил Архаров.

– Выходит, так. Дураков жалеть сам Бог велел, – отвечал Федька. И, судя по голосу, рожа его под черным колпаком была весьма ехидной.

Левушка фыркнул.

– Ладно. Судьба нас и в третий раз сведет. А ты для такого случая запомни – я за все вдвое плачу, и за услугу, и за обиду, – сказал Архаров. – Я – Преображенского полка капитан-поручик Архаров.

– Потихе бы про себя объявлял, – заметил Федька. – Народ на вас, на усмирителей, зол. Как раз схлопочешь камушком в темечко.

– А мы ведь еще никого усмирить не успели, его сиятельство граф Орлов по больницам поехал, – вмешался Левушка. – И ежели кто из крепостных согласится пойти в больницу зачумленных выхаживать – тому вольная.

– Точно? – удивился Федька.

– Так сегодня с утра решили! – Левушка, сообщая это, был так счастлив, как будто сам получал некую вселенскую вольную.

– Как Бог свят! – и Архаров медленно, весомо перекрестился.

– С нами обоз врачей приехал, Москву поделят на участки, и в каждом будет свой особый врач, – продолжал Левушка. – А выморочные дома пожгут!

Ему хотелось ну хоть добрым словом побаловать мортуса, который так решительно кинулся спасать Архарова.

– Это по уму, – согласился Федька, – только ведь голод огнем не остановишь. Фабричные без работы остались, жрать им нечего, они теперь как сухой хворост – только искру урони... злобы в них...

И помотал головой, всем видом показывая – и сравнить-то не с чем.

Торговец попытался подняться с земли, но Федька опять замахнулся на него дрыном – и он замер.

– Так и об этом граф Орлов позаботится! – воскликнул увлеченный графскими затеями Левушка. – Слыхано, будут заставы укреплять, а кто пойдет туда трудиться, тому в день по пятнадцати копеек платить станут.

Архаров меж тем как бы ненароком сунул кошелек мимо левого кармана и уронил наземь.

– Государыня не велела понапрасну кровь проливать, – сказал он. – Так и товарищам своим передай.

– Кто мои товарищи – знаешь? – выкрикнул Федька.

Архаров пожал плечами.

– А кто бы ни были...

Федька помолчал. Вся эта беседа казалась ему беспредельно странной. Двое переодетых офицеров, молодой и постарше, словно бы не замечали на нем дегтярной робы и колпака с дырками для глаз.

– Кому рассказать – не поверят, что ты с каторжным негодяем по-божески говорить не побрезговал.

– А, знаешь, не брезглив я...

Торговец простерся по земле, протянул руку и прибрал кошелек, а затем стал отползать.

– А коли я сто человек порешил? Коли у меня рожа клейменная? Коли меня лишь чума от виселицы спасла?

Левушка сделал шаг назад – звучало сие из-под колпака яростно и с надрывом.

– Не успел ты ста человек порешить, – сказал Архаров. – Годы твои не те. А по пьяному делу из-за бабы задрался. И пришиб какого-то дурака, царствие ему небесное. А поскольку с тем дураком был в приятелях, то и вообразил себя превеликим душегубом. И сам же заорал – вяжите меня, православные! Что, не так?

Федька ничего не ответил.

– Ну, еще кому-то от тебя досталось на орехи. Не валяй дурака, не гневи Бога, – посоветовал Архаров.

Тут торговец поднялся на ноги и стал отступать к закоулку. Архаров резко повернулся к нему и так посмотрел, что парень ударился бежать.

– Чего это он? – удивился Левушка и полез в карман кафтана.

– Не стянул ли чего? – забеспокоился Федька.

– Мой цел, – добыв кошелек, сказал Левушка. – Николаша, а твой? Погоди, ты же его в руке держал!

– Обронил! – воскликнул Федька. – То-то этот змей к нам все жался!

Левушка, ни говоря ни слова, выхватил шпагу и кинулся в погоню.

– Стой, Тучков! Стой! – крикнул Архаров. – Заразу подцепишь! Вот дурень...

Он сильно огорчился тому, что Левушка, уже зная его затею с мечеными деньгами, не разгадал уловки.

– Не догонит, сейчас же и вернется, – уверенно сказал Федька. – Тот дворами уйдет, а твой недоросль тех дворов не знает.

– Ты его раньше тут встречал? – спросил о торговце Архаров. – Вы, мортусы, тут где-то поселились, должны уж местных знать.

– Эти к нам не суются, мы колечек зазнобам не покупаем, – отвечал Федька. – Нашарил, сволочь, по выморочным домам, ходит, ищет дураков... мало я ему влупил...

– Мародер, – четко произнес Архаров. – Может, и мародер...

* * *

Торговец, бросая товар, действительно уходил какими-то немыслимыми закоулками и дырками в заборах.

Левушка давно сбился со следа, но гнался наугад – музыкальным своим слухом вылавливая в притихших закоулках топот мужских, обутых в грубые башмаки, ног.

Он заскочил в какой-то двор. По всему видать – то был задний двор большой московской усадьбы, со службами – конюшнями, каретным сараем, всякими мелкими строениями.

Левушка встал, огляделся – ему стало ясно, что вор, кажется, ушел. Но он, явно копируя Архарова, исподлбоя и чуть ли не принохиваясь, исследовал пустой двор, затем прислушался, что-то показалось ему подозрительным.

В двухэтажное деревянное здание, раскидистое и просторное, вели довольно широкие распахнутые двустворчатые двери. Левушка с обнаженной шпагой вбежал по ступеням, оказался в сенях и остановился.

Откуда-то сверху донеслась тихая музыка.

Музыка!

Он встал, как вкопанный и сам не ощутил, как губы раздвинулись в рассеянно-радостной улыбке.

Музыка!

Далекий, пронизанный светом из высокого окна, образ – белое платье, белые руки, невесомо ласкающие струны арфы, юное сосредоточенное личико...

Музыка...

Тут звучала не арфа – кто-то незримый играл на клавикордах... играла! Это несомненно была женщина, красавица! Женщина – потому что только женщина могла выбрать эту хрустальную, грациозную, наивно-пленительную пиесу... только красавица, уродина вовек не выберет того, в чем столько красоты...

Левушка пошел на голос спрятавшихся в доме клавикордов.

Музыка, та самая... ноты, привезенные из Вены... дитя, наполовину ангел, потому что человеку такой дивной гармонии не создать, такую гармонию можно лишь подслушать на небесах!..

Левушка и сам не заметил, как перешел на скорый шаг.

Дом, где он оказался, был богато убран, огромен и пуст. Музыка, созданная юным ангелом, распахнула перед Левушкой все двери, и он спешил по анфиладе, слыша ее все отчетливей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.